

Изъ минувшаго.

(Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.).

Помѣщая съ особымъ удовольствіемъ воспоминанія давняго сотрудника „Русской Старины“, редація имѣетъ въ виду, въ скоромъ времени ознакомить читателей журнала съ 45 лѣтней литературной дѣятельностью уважаемаго Григорія Константиновича Градовскаго и воспроизвести его портретъ.

Ред.

I.

М. Н. Катковъ. — Его взгляды на польскій вопросъ. — Мое знакомство съ Катковымъ. — Пріѣзды Каткова въ Петербургъ. — Встрѣча съ графомъ Д. А. Толстымъ.

Мнѣ приходилось близко знать М. Н. Каткова, еще въ тѣ времена, когда онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ. Въ его изданіяхъ участвовали тогда такіе писатели, какъ И. С. Тургеневъ, М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), гр. А. К. Толстой, гр. Л. Н. Толстой. На страницахъ „Русскаго Вѣстника“ печатались „Отцы и Дѣти“, „Губернскіе Очерки“, „Война и Миръ“, „Анна Каренина“. Съ тогдашнимъ Катковымъ имѣли постоянныя связи такіе публицисты и ученые, какъ К. Д. Кавелинъ, В. П. Безобразовъ, А. Д. Градовскій.

Издатель „Русскаго Вѣстника“ и арендаторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ былъ тогда горячимъ сторонникомъ всѣхъ преобразованій Царя-Освободителя, приверженцемъ европейской образованности и англійскаго парламентаризма. Попасть въ то время въ сотрудники къ Каткову было нелегко.

Мнѣ кажется, не бесполезно рассказать о моемъ знакомствѣ съ М. Н. Катковымъ и о послѣдовавшемъ за тѣмъ разрывѣ. Имѣлъ я нѣкоторыя сношенія и съ гр. Д. А. Толстымъ. Эти двѣ личности

были тѣсно связаны. Они вліяли другъ на друга. Катковъ „обработывалъ“ министра, а министръ дѣйствовалъ чрезъ публициста Страстного бульвара. Оба они много навредили Россіи, особенно подъ конецъ своей дѣятельности, и оба почти одновременно исчезли, оставивъ самое тягостное наслѣдіе родинѣ.

Либеральныя идеи, западничество, приверженность къ европейскимъ свободамъ и политическимъ учрежденіямъ могли стяжать успѣхъ Каткову въ литературныхъ и общественныхъ сферахъ; но вліятельную роль въ правящихъ сферахъ московскому публицисту принесло польское возстаніе. Либерализмъ Каткова терпѣлся; но на немъ далеко уѣхать нельзя. Иное дѣло обличеніе бунтовщиковъ, призывы къ усмиреніямъ и безпощаднымъ карамъ. На этой почвѣ можно легко выслужиться и выдвинуться. М. Н. Катковъ быстро и ярко обнаружилъ эти способности.

Поляки повторили ошибки 1830 года. Тогда они растеряли конституцію, свое привилегированное положеніе не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Въ 1863 г. они нарушили и поколебали прогрессивное движеніе и у себя, и во всей Россіи. Реакціонеры разомъ ожили и стали указывать, какія опасности являются на почвѣ свободы и ослабленія „ежевыхъ рукавицъ“. Русское общество вполне сочувствовало всѣмъ улучшеніямъ въ Царствѣ Польскомъ. Иные энтузіасты, какъ извѣстно, пошли даже сражаться за освобожденіе Польши. Но поляки и тутъ напортили и себѣ, и русскому прогрессивному движенію. Они возродили самый узкій *національный шовинизмъ*, стали поносить не только полицейскій режимъ и всѣ репрессіи дореформеннаго времени, но и русскій народъ вообще. Мы превратились въ угнетателей, азіатскихъ дикарей; отрицалось наше славянское происхожденіе; на русскій народъ, на русское общество поляки воздвигали гнѣвъ и презрѣніе Европы, которая только-что примирилась съ нами и дружественно привѣтствовала паденіе крѣпостного права, первые шаги къ дальнѣйшему гражданскому и политическому возрожденію.

На почвѣ національной вражды не можетъ расти взаимное сближеніе. Сочувствіе русскаго общества къ полякамъ охладѣло, а жестокости иныхъ повстанцевъ, звѣрскія выходки „жандармовъ-вѣшателей“, неразборчивость въ средствахъ борьбы унизили польское возстаніе и уронили его романтическую привлекательность. М. Н. Катковъ поднялъ брошенную поляками перчатку національной вражды, политической ошибки и созданной возстаніемъ государственной опасности. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появились горячія и талантливыя статьи, воодушевленные патріотизмомъ, идеями государственнаго единства и заботами о благѣ того населенія, которое

не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ десяти западно-русскихъ губерніяхъ обречено было нести всѣ невзгоды старой борьбы и междоусобной славянской войны. „Московскія Вѣдомости“ выясняли, что даже въ Царствѣ Польскомъ низшіе слои народа, крестьяне, не могли сочувствовать возстанію. Тѣмъ болѣе оно было преступно въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ поляки-помѣщики владычествовали подъ покровомъ полицейскаго режима, но крестьяне, малороссы, бѣлоруссы и литовцы вовсе не желали польскаго гнета. Они дорожили только-что совершившимся освобожденіемъ и не имѣли ничего общаго съ стремленіями польской шляхты и польскаго духовенства. Заботясь не только объ усмиреніи мятежа, но и объ устраненіи его на будущее время, М. Н. Катковъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла, доказывалъ необходимость возможно лучшаго устройства и обезпеченія крестьянъ, улучшенія быта православнаго духовенства, обновленія чиновничества, развитія народнаго образованія, поднятія русской общественности въ западныхъ губерніяхъ и распространенія на нихъ всѣхъ тѣхъ преобразованій, къ которымъ готовилась Россія. Относительно западной Руси М. Н. Катковъ не только сохранялъ либерализмъ, но и былъ радикаленъ. Особенно настойчиво и убѣдительно этотъ радикализмъ проявлялся по крестьянскому вопросу.

И. С. Аксаковъ, въ качествѣ славянофила, вполне поддерживалъ „русское дѣло“ въ западныхъ губерніяхъ, но славянофильство въ то же время все еще обрѣталось въ великомъ подозрѣніи въ бюрократическихъ сферахъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей. Особенно не нравился въ Петербургѣ образный, сердечный языкъ Аксакова. На совѣты объ „умѣренности“ Аксаковъ отвѣчалъ:—Не могу лепетать *выголощенный* языкомъ!

„Московскія Вѣдомости“, не погрѣшая противъ силы слога и доводовъ, умѣли ладить съ бюрократизмомъ, знали, въ какой часъ надо промолчать, кому слѣдуетъ воскурить оѳііамомъ восхваленій, и кого можно задѣть больно и смѣло. Оба московскіе публициста оказали несомнѣнные услуги русскому политическому слову. Оно было красиво и сильно, даже когда погрѣшало въ содержаніи. Лучшія привѣтствія освобожденію крестьянъ, свободѣ печати и новому суду (20 ноября 1864 г.) принадлежали изданіямъ Каткова и Аксакова. Тѣмъ прискорбнѣе тотъ „поворотъ“, который совершился въ нихъ десять лѣтъ спустя, и особенно, послѣ кончины Царя-Освободителя.

Либеральная печать страдала непониманіемъ польскаго вопроса и западно-русскаго дѣла. Единственная въ шестидесятые годы ретроградная крѣпостническая газета „Вѣсть“ рѣзко нападала на „милю-

тинскіе уюполитику“ въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ и обзывала мировыхъ посредниковъ „красными“ и „босоногими патріотами“. Прогрессивная печать не знала хорошо, на какой ногѣ стоять. Не хотѣлось ей душить поляковъ, но бросалась въ глаза и вся неправда крѣпостническихъ нападеній „Вѣсти“.

Познакомился я съ М. Н. Катковымъ по поводу процесса, возбужденнаго однимъ русскимъ помѣщикомъ противъ основателя и тогдашняго издателя „Кіевлянина“, профессора В. Я. Шульгина. Русскіе помѣщики притязали, чтобъ крестьянское дѣло рѣшалось въ ихъ имѣніяхъ иначе, нежели въ польскихъ. За удовольствіе быть крестьянами русскихъ помѣщиковъ надо было платить уменьшенными надѣлами и болѣе высокой выкупной оцѣнкой. „Кіевлянинъ“ возсталъ противъ подобныхъ притязаній и, обличая корыстную ихъ сторону, назвалъ богатаго помѣщика „карманнымъ патріотомъ“. Это былъ отвѣтъ на „босоногихъ патріотовъ“ газеты „Вѣсть“. Поднятая кляуза, по существу дѣла, не стояла выѣденнаго яйца; но всѣ крупные помѣщики сосредоточили на ней свои надежды, желая какъ-нибудь подорвать новый пересмотръ крестьянскаго дѣла и повернуть его назадъ, какъ это удалось крѣпостникамъ послѣ инвентарей 1848 года и съ выкупными договорами 1861—62 г.г., которые навязывались крестьянамъ полицейскими „экзекуціями“ и военными командами. Въ Кіевѣ тогда доживалъ еще старый судъ, предсѣдатель котораго, матеровой канцеляристъ стараго Сената, видимо угождалъ возрождавшемуся плантаторству и реакціоннымъ поползновеніямъ. Несмотря на блестящую защиту В. Я. Шульгина, судебная палата вынесла обвинительный приговоръ (отмѣненный впослѣдствіи Сенатомъ).

Вотъ по этому-то дѣлу я написалъ статью, которая выяснила сущность и общее значеніе этого процесса, и послалъ ее въ „Московскія Вѣдомости“. М. Н. Катковъ немедленно напечаталъ ее, да еще и съ своей стороны грянулъ громами не только противъ „карманныхъ патріотовъ“, но и противъ услужливой, дореформенной судебной палаты.

Въ 1869 году генералъ-губернаторомъ въ Кіевѣ былъ назначенъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ. При немъ политика относительно Западнаго края стала мѣняться. Мирволили богатымъ, вліятельнымъ „панамъ“, а бѣднаго крестьянина опять забывали. Мелкіе помѣщики терпѣли всѣ невыгоды бывшаго возстанія и исключительныхъ мѣръ, а крупные „магнаты“ преспокойно достигали разныхъ снисхожденій и изъятій.

„Московскія Вѣдомости“ долго еще и горячо обличали эту непослѣдовательность и неправду относительно большинства населенія.

Исключительное положеніе затягивалось, вопросъ не двигался къ коренному рѣшенію. Административное своеволие обращалось снова противъ „новшествъ“ и государственныхъ интересовъ.

При такихъ условіяхъ, я счелъ за благо оставить Кіевъ и переѣхалъ въ Петербургъ. Не имѣя еще прочныхъ связей съ столичной печатью, я посылалъ свои статьи въ тѣ газеты, которыя могли ихъ помѣстить (по своему направленію). Болѣе всего ко мнѣ подходили „С.-Петербургскія Вѣдомости“, находившіяся тогда въ рукахъ В. Ф. Корша (прежняго москвича); но по вопросамъ Юго-Западнаго края я иногда писалъ въ „Московскія Вѣдомости“. Въ апрѣлѣ 1870 г. я поѣхалъ въ Кіевъ, чтобы перевезти въ Петербургъ свою семью, и между двумя поѣздами заѣхалъ въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“.

М. Н. Катковъ принялъ меня чрезвычайно любезно и произвелъ на меня самое благопріятное впечатлѣніе. Обращеніе его было свѣтское, разговоръ сжатый и содержательный. Онъ хвалилъ мои статьи, справился о моемъ положеніи въ Петербургѣ и сообщилъ, что онъ имѣетъ кое-какіе виды на постоянное сотрудничество мое въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Мнѣ это предложеніе было очень кстати. Вошелъ П. М. Леонтьевъ, и Катковъ познакомилъ меня съ своимъ издательскимъ близнецомъ.

На обратномъ пути, я остановился въ Москвѣ на двое сутокъ; полюбовался всѣмъ, что пріятно русскому сердцу въ древней столицѣ, и окончательно условился съ Катковымъ. Мнѣ предложено было завѣдывать петербургскимъ отдѣленіемъ редакціи и писать какія угодно статьи и корреспонденціи, главнымъ образомъ по тѣмъ текущимъ вопросамъ, которые разрабатываются въ бюрократическихъ сферахъ и государственныхъ учрежденіяхъ. Мое служебное положеніе облегчило эту задачу, а черезъ петербургское отдѣленіе „Московскихъ Вѣдомостей“ М. Н. Каткову сообщали всѣ законодательные проекты, правительственныя вѣсти и готовящіеся перемѣщенія и назначенія. Связи у Каткова были сильныя.

Время отъ времени М. Н. Катковъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, останавливался въ лучшей гостиницѣ на Малой Морской (теперь Гоголевская) и съ утра до ночи разѣзжалъ къ разнымъ „особамъ“ или принималъ у себя. Обыкновенно пріѣзды Каткова связывались съ какими-нибудь дѣлами въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Конечно, я видѣлся съ Катковымъ, и онъ бывалъ у меня, видѣ отвѣтнаго визита. Вѣжливость его была образцовая. Онъ и тогда уже страдалъ безсонницей и съ трудомъ начиналъ говорить, какъ-бы заикаясь, не скоро овладѣвалъ собой и оживлялся. Голосъ его былъ добродушный и въ немъ трудно было угадать громовержца „Московскихъ Вѣдомостей“.

У Каткова я встрѣтился въ первый разъ и съ графомъ Д. А. Толстымъ. Это былъ невзрачный брюнетъ, съ густой, темнаго дѣтѣ растительностью на головѣ и лицѣ; одѣтый скромно въ черный сюртукъ. Ничего внушительнаго и важнаго онъ не представлялъ и держался очень просто. Въ этомъ отношеніи онъ очень выгодно отличался отъ П. А. Валуева, который рисовался „государственнымъ мужемъ“.

Съ Катковымъ графъ Д. А. Толстой обращался дружественно и съ видимымъ уваженіемъ. Бывавшіе у Каткова подчиненные графа Толстого, начиная съ Е. М. Оеоктистова (бывшаго потомъ начальникомъ Главнаго управленія по дѣламъ печати), явно и откровенно лебезили передъ Катковымъ. Оеоктистовъ сидѣлъ на кончикѣ стула и молчалъ, если его не спрашивали, и вставалъ, когда Катковъ приподнимался съ своего кресла. Замѣчая это благопріятіе, я вспомнилъ характеристику Алмазова: „Паль великій Оеоктистовъ съ двухъ-аршинной высоты“... Оставляя свой „постъ“, онъ утѣшалъ радовавшихся редакторовъ, что послѣ него „еще хуже будетъ“. Предсказаніе оправдалось. Оеоктистову наслѣдовалъ М. П. Соловьевъ.

Русскую литературу не разъ искореняли и запугивали; но она оживала съ новой силой. Наша мученица-печать не забудетъ завѣта поэта: „Впередъ, безъ страха и упрека“.

II.

Взгляды Каткова на классицизмъ.—„Потокъ Богатырь“,

Въ одно изъ свиданій съ М. Н. Катковымъ въ Петербургѣ, когда мы были одни, мнѣ удалось вызвать весьма любопытныя объясненія по весьма жгучему тогда вопросу объ учебной реформѣ. Съ своей стороны, я относился къ спору о древнихъ языкахъ вполне нейтрально. Мнѣ казалось, что лучшее рѣшеніе этого вопроса было назади, въ уваровскихъ гимназіяхъ. Въ одной изъ нихъ я учился въ 1853—1859 г.г. Это была первая Харьковская гимназія, считавшаяся университетской. Въ ней преподавались два новѣйшихъ языка и два древнихъ. Французскій и нѣмецкій были обязательны; но ихъ никто не зналъ, исключая учившихся имъ дома или жившихъ у учителей (француза или нѣмца). Надъ этими несчастными учителями, по укоренившемуся варварскому обычаю, имѣвшему связи съ націонализмомъ и прежней враждой къ нѣмцамъ и, вообще, иностранцамъ,—царило въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ непрестанное глумленіе, не то въ видѣ забавы, не то какъ проявленіе „патріотическихъ“ чувствъ. Древніе же языки не были обязательны,

отъ нихъ можно было и освободиться; но для поступленія въ университетъ требовался латинскій языкъ на всѣхъ факультетахъ, а на историко-филологическомъ надо было знать и греческій. Понятно, что большинство училось одному латинскому, чтобъ не держать экзамена изъ него въ университетѣ. Будущіе „словесники“ не только зубрили латынь, но и наслаждались „чудными звуками эллинской рѣчи“. Меньшинство, довольствовавшееся гимназическимъ курсомъ, было избавлено отъ общенія и съ Цицеронами и съ „старца великаго тѣню“. Въ общемъ изученіе древнихъ языковъ было удовлетворительно и, во всякомъ случаѣ, не отличалось отъ участіи и учебной постановки остальныхъ предметовъ.

Меня поражала та нетерпимость, съ которой Катковъ настаивалъ на сосредоточеніи всего гимназическаго курса около двухъ мертвыхъ языковъ и на безусловной обязательности классицизма для университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въмѣсто прежней, терпимой даже въ крѣпостное время *свободы*, навязывалась *неволя*, а неволя всегда внушала отвращеніе и приносила обратныя послѣдствія. Цѣпей никто не любитъ.

Катковъ внимательно выслушалъ мое сомнѣніе и, затѣмъ, постепенно воодушевляясь, изложилъ свои основные доводы, закулиснымъ суфлеромъ которыхъ являлся, какъ многіе думали, П. М. Леонтьевъ. Все европейское просвѣщеніе зиждется на классицизмѣ. На изученіи древнихъ авторовъ, поэтовъ, юристовъ началось возрожденіе образованности, выходъ человѣчества изъ мрака среднихъ вѣковъ. Вся европейская наука, высшая цивилизація обязаны своимъ развитіемъ изученію классиковъ. Они служили и орудіемъ единенія всего просвѣщеннаго міра.

— Не понимаю,—закончилъ Катковъ,—чтобъ истинный ученый или литераторъ могъ не цѣнить всѣхъ умственныхъ и художественныхъ богатствъ, завѣщанныхъ намъ Греціей и Римомъ. Если мы хотимъ достигнуть той общественности, тѣхъ политическихъ учрежденій, которыми пользуются передовые западные народы; если мы желаемъ имѣть просвѣщенныхъ государственныхъ людей, выдающихся ученыхъ и писателей, мы должны создать ту школу, которая вырабатываетъ такіе умы, лежитъ въ основѣ изобрѣтательности, культуры, развитія знаній.

Очень можетъ быть, что Катковъ зналъ, какіе доводы болѣе всего могутъ склонить меня въ пользу классицизма.

— Отчего же, Михаилъ Никифоровичъ,—вы не выдвинете эту весьма важную аргументацію въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“?.. Извините меня, но нѣкоторые изъ доводовъ, приводимыхъ въ статьяхъ объ учебной реформѣ, скорѣе отталкиваютъ общество, нежели убѣждаютъ.

Катковъ прошелся по комнатѣ, усмѣхнулся и тихо,—но убѣжденно сказалъ:

— Не въ обществѣ дѣло... Умная часть общества должна понять, а глупыхъ и неучей никто не спрашиваетъ. Реформа рѣшается не въ обществѣ, а въ министерствѣ, въ правительственныхъ сферахъ... Неужто, эти сферы можно пронять доводами науки, просвѣщенія, задачами политическаго значенія?

И Катковъ иронически захохоталъ.

— Кто такіе наши государственные мужи,—продолжалъ онъ.— Въ большинствѣ это паркетные шаркуны, мастера маршировки и угодливости.

Что имъ наука и что они ей? Даже правовѣды и лицеисты не болѣе какъ натасканные, дрессированные чиновники. Этихъ господъ надо убѣждать доказательствами, что просвѣщеніе не представляетъ ни малѣйшей опасности, и что классики не приведутъ къ республикѣ, не нарушатъ полицейскаго благополучія и являются опорой порядка.

— А министерство народнаго просвѣщенія, а Толстой?

— Что Толстой?.. Самого Толстого надо наставлять и подпирать на каждомъ шагѣ... Онъ-то и является однимъ изъ примѣровъ невѣжества нашихъ верховъ. О классикахъ онъ имѣетъ такое же понятіе, какъ и о Марсѣ или Юпитерѣ. Главнѣйшіе, основные доводы болѣе всего должны быть обращены къ Цѣпному мосту... Вся сила тамъ!..

Въ словахъ Каткова было много правды; но являлась опасность, что полицейскіе доводы приведутъ и къ полицейской постановкѣ учебной системы. Вышло даже хуже, оправдалось предсказаніе И. С. Аксакова. Онъ доказывалъ, что Катковъ дѣлаетъ громадную ошибку, отстаивая свои преобразованія бюрократическимъ путемъ.

— Бюрократія, какъ боа; едва приблизишься къ ней, она обвивается вокругъ своей жертвы, втягиваетъ ее въ свою пасть и въ концѣ-концовъ поглощаетъ. Она сушитъ и изводитъ все живое, душитъ умъ, личность. Лучше держаться подальше,—особенно публицисту.

Предсказаніе сбылось. Учрежденіе у Цѣпнаго моста постепенно поглотило Каткова. Незамѣтно, особенно послѣ смерти П. М. Леонтьева, онъ позабылъ всѣ доводы, кромѣ полицейскихъ, не терпѣлъ противорѣчій, отрицалъ свободу мнѣній и превратился изъ выдающагося, прогрессивнаго публициста въ злобнаго изувѣра. Общество отшатнулось отъ него. „Учебная реформа“ обратилась въ одинъ изъ тормозовъ народнаго просвѣщенія. Грамматическія упражненія забывали всю охоту къ ученію. Классиковъ никто не зналъ: на самостоятельное чтеніе, которое всегда служило основой умствен-

наго развитія, не доставало времени, а зубристика внушала даже отвращеніе къ книгѣ. Получалось въ результатѣ не просвѣщеніе, а народное затемнѣніе.

Но въ 1870 году все это еще было впереди, а скрытые, не оглашенные Катковымъ доводы были очень привлекательны. Онъ говорилъ убѣжденно и искренно. Голосъ его былъ мягкій, съ декламаторскими интонаціями. Я не имѣлъ тогда основаній не довѣрять М. Н. Каткову, а настойчивость, воодушевленіе и усердіе его при проведеніи реформы производили хорошее впечатлѣніе. Онъ не щадилъ своихъ силъ и здоровья для дѣла, которое считалъ высокой государственной и общественной потребностью.

Среди нашей обломовщины, косности и равнодушія, это было рѣдкое явленіе. Вышло, однако, не по хорошему, а по дурному. Даже Алексаковъ, предостерегавшій Каткова, не избѣгъ потомъ общей участи и попалъ въ сѣти бюрократическаго и полицейскаго режима.

Сохранилось въ моей памяти еще одно свиданіе съ М. Н. Катковымъ. Я засталъ его въ очень хорошемъ настроеніи и не истомленнымъ бессонницей, которой онъ часто страдалъ. На мой вопросъ о здоровьи и что его радуетъ, онъ отвѣчалъ:

— А вотъ послушайте эту прелесть...

И Катковъ взялъ со стола небольшую рукопись и размѣрно, выразительно прочелъ стихотвореніе графа А. К. Толстого. Это была былина о „Потокъ-Богатырь“. Я всегда любилъ Алексѣя Толстого, его чудный, сильный русскій языкъ. Сколько ясности и красоты! Это не нынѣшніе „декаденты“, которые уродуютъ и слова, и понятія, воображая, будто слово дано человѣку для затемнѣнія и безъ того темныхъ и ничтожныхъ ихъ мыслей; чѣмъ темнѣе и безсвязнѣе ихъ бредъ, тѣмъ представляется онъ глубокомысленнѣе для подобныхъ же почитателей. *Chaque sot trouve toujours un plus sot, qu'il admire.*

Катковъ съ особымъ удареніемъ и смѣясь прочелъ второй разъ о томъ, какъ московская царевна встрѣтила Потока. „Кабы только не этотъ мой дѣвичій стыдъ, что иного словца мнѣ сказать не велить, я тебя, прощелыгу, нахала, и не такъ бы еще обругала!“ Повторилъ Катковъ и насмѣшку надъ современными дѣвицами, которыя совершаютъ „пресловутое общее дѣло: потрошать чье-то мертвое тѣло“.

Надо замѣтить, что Катковъ въ то время былъ на сторонѣ высшаго образованія женщины и особенно отстаивалъ женщину-врача; но онъ былъ противъ легкомысленныхъ отношеній къ этому вопросу, противъ стриженныхъ волосъ и мужскихъ ухватокъ, противъ обращенія серьезнаго дѣла въ грязную шутку и флиртъ. Въ

былинѣ о Потокѣ-Богатырѣ доставалось всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.

Новѣйшія крайности осмѣивались такъ же, какъ и древне-московская татарщина, съ ея жестокостями и холопствомъ. Алексѣй Константиновичъ Толстой былъ искреннимъ сторонникомъ освободительной эпохи, но тогдашніе „нигилисты“ причисляли его къ ретроgrадамъ.

Особенно нравилось Каткову заключеніе былины:

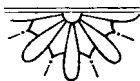
„Но до здраваго русскаго вѣча вамъ еще, государи, далече“!

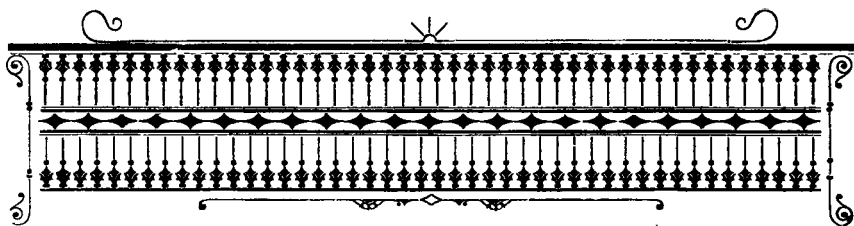
— Вотъ если бѣ у насъ,—говорилъ Катковъ,—поболѣе было такихъ людей, какъ Алексѣй Константиновичъ, такъ и не пришлось бы Потоку еще лѣтъ на двѣсти заснуть. Дождались бы и мы „здраваго русскаго вѣча“, да еще въ обновленномъ, современномъ видѣ... Это Алексѣй Толстой, а не Дмитрій; Оедоть, да не тотъ!..

Былина появилась въ слѣдующей книжкѣ „Русскаго Вѣстника“. Тогда отъ Каткова не отшатнулись еще русскіе писатели.

Г. К. Градовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ минувшаго ¹⁾.

(Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.).

III.

Свиданіе съ Тьеромъ.—Ретроградное направленіе Каткова.—Разрывъ съ литературой и обществомъ.

авѣдываніе петербургскимъ отдѣленіемъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ доставляло мнѣ не мало хлопотъ. Спать приходилось въ четыре пріема, вставать не позже 7-ми часовъ утра. Въ Петербургѣ это переворачиваетъ нормальную жизнь. Но была и пріятная сторона этого дѣла, которымъ до меня завѣдывалъ Болеславъ Маркевичъ, другъ Каткова и А. К. Толстого, игравшій значительную роль въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, авторъ романовъ, которыхъ, признаться, я никогда не читалъ. Благодаря отдѣленію „Москов. Вѣдом.“, я узнавалъ многія политическія новости прежде другихъ и знакомился съ интересными личностями. Изъ числа ихъ назову Т. И. Филиппова, извѣстнаго теолога и государственнаго контролера. Среди важныхъ новостей, я узналъ изъ первыхъ о правительственномъ рѣшеніи объявить строгій нейтралитетъ относительно франко-прусской войны; но строгій нейтралитетъ, въ дѣйствительности, оказался покровительственнымъ для Пруссіи. Сдѣланы были даже нѣкоторыя приготовленія къ частичной мобилизаціи войскъ, на случай, если бъ Австрія вмѣшалась въ возникшую трагическую распрю, исходъ которой и всѣ послѣдствія трудно было тогда пред-

¹⁾ См. «Русск. Стар.» 1908 г., январь.

видѣть. У насъ были еще поклонники Наполеоновской Франціи, восхищавшіеся тѣми продѣлками, которыя Викторъ Гюго заклеилъ „Исторіей одного преступленія“. Наши доморожденные бонапартисты считали ихъ проявленіями геніальности. Если бъ Наполеонъ III иначе относился къ польскому возстанію, а въ Берлинѣ не было бъ родственниковъ,—франко-прусская война можетъ быть не возникла бы такъ неожиданно и по самому ничтожному поводу, или эта распря сопровождалась бы иными, не столь блестящими для Пруссіи послѣдствіями. Но Бисмаркъ хорошо зналъ истинное положеніе вещей и политическую атмосферу 1870 г. Онъ помогъ Франціи избавиться отъ имперіализма, но дорогой цѣной и не безъ новыхъ опасностей для международнаго мира, съ явнымъ нарушеніемъ политическаго равновѣсія.

Война 1870 года возгорѣлась въ концѣ іюля среди лѣтняго отдыха и затишья; а 4 сентября совершилась уже позорная седанская катастрофа, съ плѣненіемъ громадной арміи и „седанскаго героя“, недавняго вершителя судебъ Европы.

Въ Парижѣ провозглашена была республика, и вскорѣ въ Петербургъ прибылъ, „въ качествѣ неоффіціального чрезвычайнаго посла, маститый историкъ, бывшій министръ орлеанской монархіи, знаменитый парламентскій ораторъ Тьеръ. Онъ былъ одинъ изъ пяти членовъ парламентской оппозиціи, не терявшихъ мужества и терпѣнія въ идейной борьбѣ съ наполеоновскимъ режимомъ. Всѣ остальные члены Законодательнаго Корпуса составляли сплошное „послушное“ большинство. Къ концу наполеоновскаго режима оппозиція, какъ извѣстно, возросла до нѣсколькихъ десятковъ членовъ; но Тьеръ былъ въ числѣ очень немногихъ, предостерегавшихъ противъ войны, когда вышколенное, подтасованное „представительство“, сплошь „правое“, выкрикивало о своемъ „патріотизмѣ“ и, заглушая здравыя мнѣнія, до одуренія орало: „въ Берлинъ, въ Берлинъ!“.

Вмѣсто Берлина, вышелъ Седанъ, а потомъ и Парижъ. Разгромленная, обездоленная, униженная Франція прислала будущаго президента республики просить заступничества Россіи. Тогда уже выяснялось, что сближеніе Россіи и Франціи требуется простымъ чувствомъ самосохраненія.

Я видѣлся съ Тьеромъ во время его пребыванія въ Петербургѣ и имѣлъ съ нимъ очень интересную бесѣду. Это было мое первое и послѣднее „интервью“.

Тьеръ занималъ нѣсколько комнатъ въ „Грандъ-Отелѣ“, на Малой Морской. Я передалъ ему свою визитную карточку съ надписью, что его желаетъ видѣть представитель редакціи „Москов-

скихъ Вѣдомостей“. Эта газета и вліятельная роль М. Н. Каткова были хорошо извѣстны Тьеру. Онъ немедленно меня принялъ.

Черезъ пріемную меня провели въ кабинетъ. Черты Тьера мнѣ были знакомы. Мнѣ не трудно было узнать его въ небольшого роста старичкѣ, довольно полномъ, съ старательно выбритымъ лицомъ, напоминавшимъ добродушнаго учителя или гувернера. Онъ былъ въ черномъ сюртукѣ; но на спинкѣ одного изъ стульевъ висѣлъ, какъ бы расправляясь и отдыхая съ длинной дороги, черный фракъ и на немъ красная лента нашего ордена св. Анны.

Тьеръ встрѣтилъ меня стоя, протянулъ руку и заявилъ, что онъ радъ видѣть представителя главнѣйшей русской газеты, руководимой знаменитымъ московскимъ публицистомъ. Онъ говорилъ пріятно, свободно, но съ тѣми неуловимыми оттѣнками, которые разомъ внушали вниманіе къ каждому слову и давали чувствовать, что этотъ старичокъ не педагогъ, не гувернеръ, а важный государственный дѣятель. Слова его лились свободно, но каждое изъ нихъ было взвѣшено, стояло на должномъ мѣстѣ и не требовало поясненій. Тьеръ замѣтилъ мой взглядъ, мимолетно брошенный на фракъ и Анненскую ленту.

— Вы застали меня въ важную минуту. Мнѣ назначена сегодня ауденція у Его Императорскаго Величества. Вы видите мои приготовленія. Эта лента получена мною въ 30-хъ годахъ, отъ отца нынѣшняго вашего Государя, покойнаго Императора Николая I. Многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ и въ Россіи, и въ нашей несчастной Франціи!

Мнѣ послышалась печаль, особенная грусть, незримыя слезы, въ этомъ воспоминаніи. Я поспѣшилъ спросить, не беспокою ли его своимъ посѣщеніемъ, и что я готовъ явиться къ нашему, всѣми чтимому въ Россіи, знаменитому посѣтителю въ другой разъ.

— У насъ есть еще время,—отвѣтилъ Тьеръ и пригласилъ прісѣсть... Занявъ кресло у письменнаго стола, на которомъ видѣлся развернутый листъ „Journal de St.-Petersbourg“, — и помолчавъ на минуту,—Тьеръ уже вполне твердымъ, спокойнымъ голосомъ, какъ-бы съ желаніемъ вывести молодого собесѣдника изъ стѣснительнаго положенія, предупредилъ мои разспросы. Мнѣ было тогда 28 лѣтъ, и я опасался, какъ-бы не обидѣть малѣйшею неловкостью великаго человѣка и нашего гостя, въ его несчастномъ, приниженномъ положеніи. Онъ все это понималъ своимъ старымъ опытомъ и заговорилъ самъ, о чемъ было надо.

— Безъ сомнѣнія, вы желали бы знать цѣль моего пріѣзда въ Россію въ такое время, когда во Франціи каждый человѣкъ на счету и долженъ защищать свое отечество. Но ради этой-то защиты, околь-

ными путями, я совершилъ долгій, утомительный для старика путь. Я не скрываю и говорю прямо. Я пріѣхалъ просить заступничества дружественнаго народа, великой страны, которая не можетъ допустить, чтобы на ея глазахъ истекла кровью Франція, подъ ударами грубой силы, опасной не только для насъ, но и для всей Европы. Мы не только просимъ, но и требуемъ этой защиты, ибо нельзя безнаказанно допустить уничтоженія Франціи. Это былъ бы ударъ для всего человѣчества. Истинные интересы Россіи тѣсно связаны съ существованіемъ и мощью французскаго народа. Мы сражались другъ съ другомъ, но никогда не были врагами. И никогда не будемъ ими! Это сознаніе, глубокое убѣжденіе двинуло меня въ путь и объясняетъ мое пребываніе въ Петербургѣ.

Послѣ этой рѣчи, Тьеръ незамѣтно втянулъ меня въ разговоръ, въ которомъ уже я очутился въ положеніи допрашиваемаго. Онъ интересовался знать объ отношеніяхъ русскаго общества и печати къ войнѣ, и на чьей сторонѣ общественное сочувствіе? Я отвѣчалъ, что преобладающее настроеніе нашего общества не было и не могло быть на сторонѣ Наполеона. Вторая Имперія, ея насилія надъ Франціей и политика военныхъ приключеній возбуждала естественное негодованіе въ прогрессивной Россіи. Мы удивлялись, какъ можетъ французскій народъ сносить подобный гнетъ, и спрашивали, куда дѣвалась передовая нація, съ ея знаменитымъ девизомъ: „свобода, равенство и братство“. Но теперь, когда вторая имперія рухнула, общее сочувствіе на сторонѣ Франціи, и хочется вѣрить, что война должна прекратиться. Сами пруссаки объявили, что она ведется съ французскимъ правительствомъ, а не съ французскимъ народомъ.

— Этому нельзя довѣрять!... воскликнулъ Тьеръ. — Вся Европа была введена въ обманъ. Наполеонъ попалъ въ давно подготовленную ловушку. Въ дѣйствительности, война была объявлена Бисмаркомъ. У Мольтке все было давно подготовлено, и оставалось только пустить въ ходъ машину по сигналу Бисмарка. Они теперь хвастаются, что у нихъ даже каждый воля зналъ, гдѣ онъ долженъ былъ быть съѣденъ, при вторженіи во Францію. Военная расплата предъявляется къ французскому народу, а не ко второй имперіи. Ея уже нѣтъ, а война длится и угрожаетъ Парижу. Мы были поставлены въ тяжкое трагическое положеніе: въ случаѣ побѣды, укѣплялся бонапартизмъ, внутренній гнетъ; въ случаѣ пораженія—гибла Франція. Вотъ почему я возставалъ противъ этой войны. Мы терпели, страдали въ обоихъ случаяхъ. Намъ пришлось бороться не только съ внѣшнимъ врагомъ, но и съ измѣной бонапартистовъ.

Тьеръ задалъ мнѣ еще одинъ довольно щекотливый вопросъ: въ какой мѣрѣ русское общественное мнѣніе, если оно теперь на сторонѣ Франціи, оказываетъ вліяніе на правительство?

Я отвѣчалъ, что вліяніе русскаго общественнаго мнѣнія не имѣетъ правильныхъ и видимыхъ формъ проявленія. Оно дѣйствуетъ медленно и незримо, идейными путями. Наша печать стѣснена цензурой, тѣми преградами, которыя, къ сожалѣнію, заимствованы отъ наполеоновскаго режима.

— Но ваша газета, „Московскія Вѣдомости“, сколько извѣстно, пользуется свободой и вліяніемъ?

— Внѣшняя политика у насъ находится всецѣло подъ руководствомъ Государя, и наша печать касается ея съ удвоенной осторожностью, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло осложняется родственными и вѣковыми дружественными отношеніями. Мнѣ кажется, никто у насъ не желаетъ ссориться съ Берлиномъ, но и Францію всѣ жалѣютъ... Лично,—добавилъ я,—горячо желаю, чтобы Франція одержала теперь побѣду и избавилась отъ непріятельскаго нашествія. Желаю полнаго успѣха и вашей миролюбивой миссіи.

Тьеръ поблагодарилъ. На мое замѣчаніе, что затрудненіе можетъ встрѣтиться въ сомнѣніяхъ, какое образуется и окончательно утвердится правительство Франціи,—Тьеръ увѣренно сказалъ:

— Утвердится республика. Другого исхода быть не можетъ. Я орлеанистъ, приверженецъ конституціонной монархіи; но не могу не признать, что единственное спасеніе въ республикѣ. Короли и императоры погубили себя во Франціи. Французскій престолъ не можетъ вмѣстить всѣхъ претендентовъ на него!...

На этомъ кончилась моя бесѣда съ будущимъ президентомъ третьей Французской республики, которая упрочилась, какъ и предсказывалъ старый политикъ и монархистъ. Извѣстно, что Тьеръ добился только содѣйствія Россіи для открытія мирныхъ переговоровъ.

На другой день, къ удивленію своему, я засталъ у себя визитную карточку Тьера. Онъ лично завозилъ ее, и сопровождавшій его секретарь вручилъ ее моей прислугѣ, въ мое отсутствіе ¹⁾.

Около 37 лѣтъ прошло со дня бесѣды моей съ Тьеромъ. Не могу поручиться за буквальную точность выраженій; но содержаніе ея, взгляды Тьера, вопросы его и разъясненія относительно войны, будущаго положенія Франціи и необходимости поддержки ея ради

¹⁾ Визитная карточка Тьера окружена широкой траурной полосой. Это былъ знакъ несчастья Франціи и печали ея представителя. Эта визитная карточка цѣла и хранится до сихъ поръ у меня, какъ драгоценная память о замѣчательной исторической личности и пребываніи ея въ Петербургѣ.

интересовъ самой Россіи—переданы съ безусловной вѣрностью. Я хорошо усвоилъ ихъ и видѣлъ подтвержденіе и оправданіе основныхъ взглядовъ Тьера въ теченіе многихъ лѣтъ, даже послѣ смерти перваго президента третьей Французской республики. Точное изложеніе бесѣды съ Тьеромъ было записано мною и послано къ М. Н. Каткову; но она не попала въ печать, и я не замѣтилъ ея отраженія въ отношеніяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“ къ дальнѣйшимъ событіямъ войны и ея исходу. Во время геройской защиты Парижа и отчаянныхъ усилій Франціи поправить ошибки и измѣны наполеоновскихъ маршаловъ, я написалъ брошюру о необходимости миролюбиваго посредничества и прекращенія этой возмутительной бойни, съ ея жестокостями и систематическими реквизиціями, заложниками и аптекарскими счетами, какъ основъ будущей контрибуціи.

Брошюра эта не была дозволена цензурой „въ виду объявленнаго нейтралитета“. Въ 1813 году Пруссія была спасена и восстановлена Россіей; въ 1871 году съ незримымъ содѣйствіемъ русской политики Пруссія обобрала Францію и покорила Германію, образовавъ изъ всѣхъ ея королевствъ и герцогствъ, великихъ и малыхъ, объединенную, воинственную имперію.

Всѣ ученики были благодарны Бисмарку за упрощеніе уроковъ и экзамена изъ географіи Средней Европы. Въ ней значилось прежде столько государствъ, сколько сочинили у насъ партій для Государственной Думы, пока въ ней не образовалось кое-какое единеніе. Но рожденная въ Версали, среди кровопролитія, Германская имперія поглотила десятки милліардовъ на вооруженіе всѣхъ государствъ и принесла много бѣдствій и ошибочныхъ политическихъ шатаній главнымъ образомъ Россіи. Хорошо еще, что не отплатили намъ открытой войной, а лишь тайными, враждебными договорами и „берлинскимъ маклерствомъ“. Правда, были еще парады на Марсовомъ полѣ, на которыхъ и мнѣ удалось нѣсколько разъ прекрасно видѣть и престарѣлаго Императора Вильгельма, и Бисмарка въ бѣломъ кирасирскомъ мундирѣ, и молчаливаго Мольтке,—всѣхъ трехъ старцевъ, проявившихъ такъ много молодой энергіи, зрѣлаго ума и необычайнаго военнаго и политическаго искусства. Пруссія всегда обладала честной образцовой администраціей и хорошей,

въ важнѣйшій періодъ европейской жизни. Умалаялось значеніе Франціи; появлялась на политической сценѣ объединенная воинственная Германія.

Карточку Тьера я хотѣлъ всегда передать литературному музею; но его до сихъ поръ нѣтъ. Я уступилъ бы ее теперь кому либо изъ любителей-коллекціонеровъ, желая собрать средства для одной литературной цѣли.

Аст.

обязательной народной школой. Вотъ чѣмъ „города берутъ“ и отечество великое создаютъ.

Въ концѣ 1871 г. кончилось мое сотрудничество въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Я имѣлъ неосторожность соблазниться предложеніями князя В. П. Мещерскаго. Для редакторства „Гражданина“ пришлось мнѣ отказаться отъ должности въ министерствѣ государственныхъ имуществъ (въ земельномъ отдѣлѣ) и отъ участія въ другихъ изданіяхъ. Весной 1874 года я писалъ уже въ „Голосѣ“. Все это усиливало разрывъ съ М. Н. Катковымъ, хотя мнѣ лично и не представлялось къ этому поводу. Мнѣ долго помнились хорошія, прежнія отношенія и либеральныя взгляды Каткова. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе „Московскія Вѣдомости“ и „Русскій Вѣстникъ“ порывали съ прогрессомъ и съ литературой. Разыгралась исторія съ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“. Старѣйшая газета отнята была у В. Ф. Корша, перестала быть „академической“. Не стало лучшаго, умѣренно-либеральнаго органа. Этотъ вредный для общаго развитія поступокъ былъ совершенъ ближайшими сотрудниками Каткова. Сами „Московскія Вѣдомости“ оторвались отъ университета, которому принадлежали. Катковъ не платилъ аренды и сталъ нападать на новый судъ, когда онъ пробовалъ оградить университетскіе интересы.

Вмѣсто „свободы“ печати, Катковъ сталъ подавлять всякое мнѣніе, кромѣ своего, и прибѣгалъ на этомъ пути къ самымъ низменнымъ, явнымъ и тайнымъ, возмутительнѣйшимъ обвиненіямъ. Подражатели Каткову перешеголяли, однако, своего учителя. Подобными же средствами насаждался и лже-классицизмъ. Вся общественная дѣятельность и земство попали въ эти же „участковые приемы“.

Катковъ превратился въ яраго ретрограда и разрушалъ все, чему поклонялся въ эпоху освободительныхъ реформъ. Прежній сторонникъ англійскаго парламентаризма возставалъ даже противъ тѣхъ нерѣшительныхъ улучшеній, которыя проявлялись при кратковременномъ управленіи Лорисъ-Меликова.

Въ области иностранной политики „Московскія Вѣдомости“ проявляли слѣпое, раболѣнное поклоненіе Бисмарку. Онѣ называли его „лучшимъ нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ“ и весьма часто воспроизводили статьи берлинскихъ офиціозовъ. Сближеніе съ Франціей Катковъ выдавалъ за „революционную идею“, повторяя бисмарковскія указанія, будто монархической Россіи не приличествуетъ и опасно дружить съ республикой. Такое прислужничество къ иностранному министру и рѣзкія нападенія на противоположныя мнѣнія (какъ извѣстно, все же, восторжествовавшія), вызывавшія много-

лѣтнія преслѣдованія цензуры,—порождали самыя неестныя для Каткова толки.

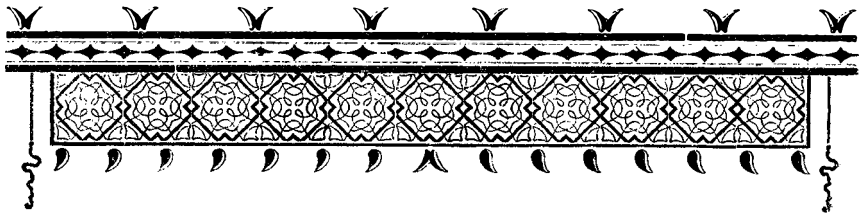
Во всякомъ случаѣ, неудивительно, что Катковъ постепенно утратилъ всякое общественное уваженіе, что лучшіе писатели прервали съ нимъ прежнія сношенія, а И. С. Тургеневъ отшатнулся отъ руки Каткова даже на пушкинскомъ праздникѣ.

Жаль падшаго человѣка, занимавшаго видное мѣсто въ публицистикѣ, но утратившаго въ послѣдствіи свой талантъ. Со страницъ „Московскихъ Вѣдомостей“ раздавался съ тѣхъ поръ лишь злобный болгаринскій лепетъ.

Г. К. Градовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ минувшаго ¹⁾.

(Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.).

VIII.

Къ исторіи „Литературнаго фонда“.

В. Ф. Коршъ и „С.-Петербургскія Вѣдомости“, до изыятія ихъ изъ Академіи наукъ. — Литературный фондъ. — Недостатокъ средствъ и дѣятельности. — Попытка преобразованія его. — Учрежденіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.

Первыя сношенія мои съ столичной печатью завязались при посредствѣ В. Ф. Корша. Онъ стоялъ тогда во главѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, которая арендовала у Академіи наукъ. Старѣйшую русскую газету часто называли „академической“, хотя связи ея съ академіей выражались лишь въ уплатѣ арендной суммы и въ обязательствѣ пользоваться академической типографіей. При Коршѣ она стояла во главѣ либеральнаго направленія, хотя и была умѣреннѣе нѣкоторыхъ журналовъ, начиная съ „Современника“, „Русскаго Слова“ и „Дѣла“. Газету карали бы нещадно, если бы она шла впереди радикальныхъ журналовъ. Коршъ привлекъ въ „Спб. Вѣд.“ лучшія силы. Публицистическія статьи помѣщали въ ней многіе ученые, сочувствовавшіе освободительнымъ преобразованіямъ; но главнѣйшими сотрудниками, влагавшими жизнь и душу въ газету, были талантливые молодые люди, изъ которыхъ нѣкоторые не обладали дипломами, но были одухотворены животворной силой освободительной эпохи. Въ числѣ ихъ были: А. С. Суворинъ, В. П. Буренинъ, К. А. Скальковскій, Жо-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ февраль 1908 года.

ховъ. Воскресные фельетоны г. Суворина; критическіе очерки и пародіи, въ прозѣ и стихахъ г. Буренина нравились публикѣ и охотно читались даже врагами. Конечно, всѣ сотрудники В. Ф. Корша, дававшего общее направленіе газетѣ, осмѣивали малѣйшія проявленія реакціи, шовинизма или національной вражды. Не только старо-московскій, Погодинскій или Шевыревскій „патріотизмъ“, но и новѣйшія проявленія этого рода, подъ славянофильскимъ знаменемъ, — встрѣчали въ „Спб. Вѣд.“ бойкія и остроумныя обличенія. Насаждаемый насильно классицизмъ и франко-прусская война, съ ея „желѣзной“ жестокостью и аптекарскимъ обирательствомъ, вызывали рѣзкій отпоръ не только въ верхнихъ столбцахъ, но и въ фельетонахъ газеты. Иностраннымъ отдѣломъ завѣдывалъ Э. К. Ватсонъ, кандидатъ филологическаго факультета Московскаго университета, прекрасно знавшій новѣйшіе языки, талантливый, трудолюбивый журналистъ и переводчикъ. Онъ былъ ближайшимъ помощникомъ Корша по редактированію газеты. Человѣкъ просвѣщенный, справедливый, обладавшій въ желанной мѣрѣ объективностью, онъ поддерживалъ Корша, заботился о сохраненіи газеты, умѣряя пылъ и увлеченіе другихъ сотрудниковъ. Э. К. Ватсонъ и остался, до конца своей жизни, вѣрнѣйшимъ другомъ Корша и неизмѣннымъ сторонникомъ либеральнаго направленія, когда многіе измѣнили своимъ прежнимъ богамъ и перебѣжали въ лагерь реакціонеровъ, съ обычными ихъ приѣмами клеветы и доноса.

Еще будучи студентомъ въ Харьковѣ, я съ удовольствіемъ читалъ обновленный „С.-Пет. Вѣд.“, а во время короткихъ служебныхъ поѣздокъ въ Петербургъ познакомился съ В. Ф. Коршемъ и далъ ему нѣсколько замѣтокъ. Переѣхавъ въ Петербургъ, мнѣ естественно было завязать болѣе близкія сношенія съ „С.-Пет. Вѣд.“ Я уже говорилъ, что петербургская журналистика очень мало была знакома съ положеніемъ Западнаго края. Къ задачамъ этого края она относилась подъ давленіемъ польскаго вопроса. Либеральная печать знала, что поляки преслѣдовались; Муравьевъ свирѣпствовалъ въ Вильнѣ, а затѣмъ съ неменьшей страстностью расправлялся и въ Петербургѣ, послѣ покушенія 4-го апрѣля. Рѣзкія проявленія репрессій опредѣляли точку зрѣнія на всѣ другія дѣла и вопросы Западнаго края. Не замѣчали или не знали, каково было положеніе русскаго народа, милліоновъ крестьянъ, православнаго духовенства и немногихъ представителей русской общественности въ Западной половинѣ Россіи. Изъ временъ дореформенной тьмы, многіе вынесли заблужденіе, что все это была сплошная Польша, и не подозрѣвали, что, подъ гнетомъ бюрократическаго режима, поляки, обладавшіе крупными помѣстьями, даже городами, систематически угнетали

крестьянъ и попирали ихъ вѣру, языкъ, національное самосознаніе. Въ торговлѣ, въ обществѣ, даже въ канцеляріяхъ господствовалъ польскій языкъ. На русскомъ говорили только съ прислугой да съ „хлопами“, какъ „рабочимъ скотомъ“. Нынѣшнее положеніе Галиціи можно считать несравненно болѣе благопріятнымъ для русской части населенія, нежели отношенія польской шляхты и польскихъ чиновниковъ къ русскому народу въ Западныхъ губерніяхъ до 1863 года. Польское давленіе всегда умѣло передѣлывать въ свою пользу всѣ мѣры, направленные въ пользу крестьянъ и русской государственности. Даже инвентари 1848 года, введенные ради ограниченія крѣпостного права и для земельного обезпеченія крестьянъ, были нарушены и ихъ пришлось потомъ возстановлять почти два раза, въ 1861 году, и затѣмъ въ 1865 г. Чтобъ наглядно показать, въ какомъ невѣдѣніи находилась петербургская журналистика относительно Западнаго края, достаточно напомнить, что незамѣтно для нея главнѣйшими врагами новой „русской политики“ въ Западныхъ губерніяхъ считались такіе реакціонеры, какъ Тимашевъ, Потаповъ, графъ П. А. Шуваловъ, П. А. Валувевъ, графъ К. П. Паленъ и самъ Катковъ, когда онъ обернулся ретроградомъ. Первая реакціонная газета „Вѣсть“ была яркой противницей „русской политики“, и польскіе помѣщики съ удовольствіемъ ее выписывали. И теперь „аграрный“ и національные вопросы въ западныхъ губерніяхъ представляются очень сложными; а 40—45 лѣтъ назадъ путаницы было еще больше. Я желаю всѣхъ благъ полякамъ; отъ всего сердца радовался бы ихъ братскому сближенію съ нами; въ Петербургѣ у меня всегда было много друзей среди поляковъ; но не могу не сказать, что польская шляхта, особенно польскіе „магнаты“ были не правы относительно русскаго народа въ Западной Россіи, и что было бы полезно, если бы крупнѣйшія ихъ имѣнія были выкуплены въ пользу крестьянъ. Поляки съ понятнымъ жаромъ отстаиваютъ свою національность; но надо же уважать и русскій народъ. Мы слышали, какъ болгары, освобожденные русской кровью, заявляли потомъ по адресу Россіи: „Не надо намъ ни вашего меду, ни вашего жала“. Поляки, въ свою очередь, много разъ отталкивали братски протянутую къ нимъ руку русскаго народа. Для общаго блага славянъ, будемъ надѣяться, что національная вражда не разгорится теперь, когда всѣ народности, входящія въ составъ Русскаго государства, имѣютъ полное основаніе разсчитывать на человѣколюбивое сердце и справедливость возрождающагося русскаго народа.

Приведенныя строки поясняютъ, почему въ „С.-Петербург. Вѣдомостяхъ“ мнѣ пришлось помѣщать статьи по общимъ внутреннимъ

вопросамъ, не касаясь окраинъ. Въ числѣ важнѣйшихъ внутреннихъ задачъ, находился, между прочимъ, вопросъ о преобразованіи *мѣстнаго управленія*. Статьи мои по этому предмету вошли въ изданный мин. внутр. дѣлъ „Сборникъ“ отзывовъ печати по данному преобразованію. Этотъ вопросъ подымался потомъ Валуевымъ, когда онъ вернулся къ власти въ качествѣ министра государственныхъ имуществъ; возобновился онъ при Лорисъ-Меликовѣ; перерѣшенъ и замѣтъ гр. Д. А. Толстымъ и въ настоящее время составляетъ одну изъ виднѣйшихъ задачъ нынѣшней министерской „деклараци“.

В. Ф. Коршъ возбуждалъ всегда искреннѣйшее сочувствіе во всѣхъ, кто его зналъ лично. Одна изъ родственницъ его всегда горячо отзывалась о немъ, заявляя: „Il est toujours pour la justice“!.. Это могли сказать о Коршѣ всѣ, кто имѣлъ съ нимъ сношенія. Мягкій, деликатный, сердечный, В. Ф. Коршъ, однако, было непоколебимымъ въ своихъ политическихъ взглядахъ и литературной этикѣ. Надо было видѣть, какъ онъ краснѣлъ, защищая свое мнѣніе, или возмущался какой-нибудь мѣрой произвола или недобросовѣстной выходкой въ печати. Онъ всегда говорилъ медленно, чтобъ не заикаться; но въ подобныхъ случаяхъ заиканіе усиливалось и мѣшало плавности его рѣчи. Статьи мои нравились В. Ф. Коршу, и онъ предложилъ мнѣ быть вторымъ редакторомъ „С.-Петерб. Вѣдомостей“.

— Мы будемъ пополугодно нести эту каторгу... Шесть мѣсяцевъ работать, шесть мѣсяцевъ отдыхать за границей, или путешествовать по Россіи...—уговаривалъ онъ.

Предложеніе было лестное, соблазнительное; но я былъ тогда на службѣ, мнѣ везло; я любилъ совмѣщать служебную дѣятельность съ публицистикой. Мнѣ казалось, что я могу осуществлять то, что проповѣдую. Я отклонилъ обузу редакторства, ради котораго надо было выйти въ отставку.

В. Ф. Коршъ рекомендовалъ меня комитету „Литературнаго фонда“, и въ 1870 году я былъ избранъ членомъ этого общества. Исполнилась давняя моя мечта. Это было для меня посвященіемъ въ писатели, въ званіе, которое я съизмала любилъ и привыкъ считать самымъ почетнымъ. Еще въ гимназіи, когда въ 1859 году учредилось „Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“, одинъ изъ любимѣйшихъ учителей (В. И. Дементьевъ) говорилъ мнѣ, что каждый порядочный человѣкъ долженъ поступить въ это общество, если только онъ умѣетъ читать и способенъ цѣнить блага, приносимыя литературой.

— Ну, а вамъ,—шутилъ онъ,—надо поступить въ „Литературный фондъ“, какъ литературу...

Этотъ славный, дорогой учитель былъ математикъ, но любилъ „словесность“, любилъ читать болѣе развитымъ ученикамъ что-нибудь изъ тогдашнихъ журналовъ, у себя, за стаканомъ чая. Были и тогда прекрасные, умные, добрые учителя, далекіе отъ бездушной казенщины.

И вотъ, въ 1870 году, при содѣйствіи В. Ф. Корша, исполнился наказъ учителя, полученный еще гимназистомъ. Очень бѣденъ былъ тогда „Литературный фондъ“, и до крайности скромно и неплототворно шла его дѣятельность. Въ этомъ я скоро могъ убѣдиться. Общія собранія мало посѣщались. Да на нихъ и дѣлать было нечего. Секретарь читалъ отчетъ о раздачѣ тѣхъ или иныхъ пособій; выдачи были ничтожны, а кому онѣ давались, не объявлялось; пособия имѣли характеръ подаяній и объявленіе именъ „благодѣлителей“ могло ихъ унижить въ глазахъ общества и ухудшить ихъ положеніе. Неспособные-де, бездарные люди, не стыдящіеся протягивать руку за милостыней! Казначей читалъ общія цифры о поступленіи взносовъ, процентовъ и о расходахъ. За тѣмъ всѣ раскланивались и расходились, какъ только комитетъ приступалъ къ занятіямъ. Всѣ дѣла вершились въ комитетѣ, а краткіе, сухіе отчеты его можно было прочесть въ газетахъ. Только два собранія въ году нѣсколько оживлялись и давали хотя нѣкоторую почву для дѣятельности членовъ общества. Въ декабрѣ избиралась ревизіонная комиссія и намѣчались кандидаты въ комитетъ; а въ годовомъ общемъ собраніи, обязательно 2-го февраля, обсуждались замѣчанія ревизіи и объясненія комитета; происходили по этому поводу нѣкоторыя пренія и избирались четыре члена въ комитетъ, на мѣсто четырехъ, выбывавшихъ въ очередномъ порядкѣ. Въ большинствѣ случаевъ, все шло гладко и благополучно; замѣчанія ревизіонной комиссіи принимались къ свѣдѣнію или удачно отвергались комитетомъ, и затѣмъ для большинства членовъ общество замирало на годъ, какъ и для всѣхъ стороннихъ лицъ. Только литературные вечера, устраиваемые болѣе или менѣе удачно, въ благопріятныя къ тому времена, напоминали читающей публикѣ, что въ Россіи существуютъ писатели, что безъ нихъ не будетъ литературы и придется только играть въ карты и что положеніе большинства писателей и журналистовъ въ такой степени необезпечено, что иныхъ похоронить даже не на что, а семья ихъ обрекается на нищенство. Кто не имѣлъ „монрепо“ или служебнаго заработка (а литературная профессія все болѣе обособлялась, увеличиваясь въ числѣ)—тотъ подъ старость или въ случаѣ болѣзни обрекался на всѣ униженія и случайности благотвори-

тельной помощи, размѣры которыхъ всегда ниже дѣйствительной потребности и вполнѣ зависать не отъ степени нужды, а отъ прилива или отлива шаткихъ колеблящихся поступленій. Въ какомъ жалкомъ положеніи находились средства „Литературнаго фонда“, можно судить изъ такого позорнаго для русской образованности факта: къ 25-лѣтію „Литературнаго фонда“ въ 1885 году, всѣ капиталы его не доходили даже до 100.000 рублей. Составитель исторіи „фонда“ выражалъ надежду, что дѣла пойдутъ лучше, когда капиталы возрастутъ до 200—300 тысячъ.

Въ настоящее время ихъ, кажется, около 700.000 руб.; но доходность ихъ уменьшилась, и комитету пришлось въ 1906 году взывать о помощи и сокращать обычные пособія до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

Если и теперь писателей и журналистовъ гнететъ безработица и страшная нужда; если въ Петербургѣ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1907 г., умеръ поэтъ *отъ голода*, и только послѣ смерти его читался рефератъ о талантливыхъ его произведеніяхъ,—то можно вообразить, что было 30—35 лѣтъ назадъ, когда не было ни „академическаго фонда“, ни кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, ничего, кромѣ случайныхъ „благотвореній почтеннаго, но бѣднаго, скуднаго средствами „Литературнаго фонда“. Нисколько не преувеличено указаніе Некрасова, что даже кладбища наши наглядно говорятъ о позорномъ равнодушіи русскаго общества, русскихъ читателей къ литературѣ и ея труженикамъ.

Надъ чиновникомъ больше плита,
Подъ плитой же бываетъ учитель...
А гдѣ нѣтъ ни плиты, ни креста,
Тамъ должно быть и есть сочинитель!

Относительно мертвыхъ произошло нѣкоторое улучшеніе. Бываютъ на могилахъ кресты, случаются даже бюсты; но *жизнь* писателей полна еще терній и бѣдъ. Литература и всѣ причастныя къ ней лица страдаютъ отъ безсудія, проигранныхъ расправъ и нетерпимости.

Не сразу выяснилась мнѣ неудовлетворительность постановки „Литературнаго фонда“. Постепенно знакомился я со всѣми условіями его дѣятельности, особенно когда участвовалъ въ ревизіонныхъ комиссіяхъ. Члены благотворительныхъ правленій часто черствѣютъ отъ привычки видѣть нищету. Просьбы и мольбы имъ недоѣдаютъ и не трогаютъ сердца. Такъ, судьи привыкаютъ безъ колебаній налагать самыя тяжкія кары, а врачи невозмутимо отправляютъ на тотъ свѣтъ непокорныхъ ихъ искусству пациен-

товъ. Охотники лѣчиться всегда найдутся. Благотворители, между стаканами чая и папирской, легко рѣшаются, кому дать 100 рублей, а кому достаточно и 10-ти, остальныхъ можно угостить и отказомъ, въ виду „частыхъ просьбъ“. Не рѣдко случается, что назойливыя просьбы, даже требованія удовлетворяются, а о дѣйствительной и гораздо болѣе рѣзкой нуждѣ никто не знаетъ.

Бѣдные люди не стануть унижаться, пока дѣло не дойдетъ до крайности. Благодѣтели расположены относиться съ предубѣжденіемъ и даже съ презрѣніемъ къ тѣмъ, кому они „благотворять“ на общественный счетъ. Выносить это тяжело. Частная помощь оказывается обыкновенно *сердечнѣе* и мягче, нежели общественная. Добрый человѣкъ какъ бы извиняется передъ нуждающимся и просить не отвергнуть носильной лепты; а общественные благотворители изведутъ нуждающихся перепиской, обсужденіями, промедленіями и провѣрками и, если выдадутъ что-нибудь, то съ такимъ видомъ, будто они лично обобраны и имѣютъ дѣло съ презрѣнными отбросами просвѣщеннаго и обезпеченнаго человѣчества. Не хорошо, если нищіе нагло требуютъ помощь; но во сто кратъ хуже, когда самое ничтожное пособіе изъ общественныхъ суммъ выдается нехотя, запоздало и съ обидой.

Благотворенія „Литературнаго фонда“, въ силу общихъ недостатковъ филантропіи и по скудости и случайности его средствъ, очень близко подходили къ обычнымъ свойствамъ этого рода учрежденій. Въ Англіи существуетъ даже налогъ въ пользу бѣдныхъ, а слезы застилаютъ глаза и душа возмущается, когда вспоминаешь Диккенса и его обличительныя, жгучія страницы, на которыхъ изображены бѣдность и горе несчастныхъ, жестокосердіе и лицемеріе филантропіи.

Во время ревизій я могъ вникать въ существо просьбъ, адресуемыхъ въ „Литературный фондъ“, а съ развитіемъ печати мнѣ и непосредственно было извѣстно, въ какіе матеріальные и умственные тиски поставлены русскіе литераторы не только болѣзнью или старостью, но и безработицей, вслѣдствіе запрещенія или разоренія изданій. Во время реакціи, усиливались гоненія на печать, безработица и нужда возростали, а средства у „Литературнаго фонда“ какъ разъ въ такія времена оскудѣвали. Различныя „предпріятія“ встрѣчали преграды, членскіе взносы вносились туго. Какъ бы въ предчувствіи, что каждый изъ насъ, помимо своей трудоспособности, можетъ очутиться въ самомъ угнетенномъ, бѣдственномъ положеніи, я пришелъ къ заключенію, что необходимо преобразовать „Литературный фондъ“, организовать его помощь на совершенно иныхъ началахъ. вмѣсто случайной, унижительной ми-

лостыни, надо установить *право* на обезпеченіе труда, застраховать труженика на случай болѣзни и старости, создать такія же права и для его семьи.

Я выработалъ кое-какія основныя положенія этого преобразованія и пригласилъ къ себѣ сотрудниковъ газетъ и журналовъ для ихъ обсужденія. Около 20 лицъ откликнулись на этотъ зовъ. Между ними были и члены „Литературнаго фонда“; но большинство даже не принимало въ немъ участія, не сочувствуя условіямъ его дѣятельности. Уже одно это отчужденіе говорило въ пользу реформы.

Исправленныя и одобренныя предположенія были внесены мною въ комитетъ „Литературнаго фонда“, съ моей объяснительной запиской. Поднялась цѣлая буря. „Литературные бонзы“, какъ называли въ шутку главарей комитета, разгнѣвались и подобно всѣмъ правителямъ усмотрѣли въ моемъ заявленіи дерзновенное нарушеніе тишины и спокойствія, разрушительныя поползновенія на общественныя устои. Составлены были доклады, въ которыхъ доказывалось, что все обстоитъ благополучно и необходимо лишь крѣпко-накрѣпко охранять благотворительное учрежденіе и его дѣятельность отъ порицателей и непрошенныхъ реформаторовъ.

Если все обстоитъ благополучно, то вполнѣ естественно отстранить самую мысль объ улучшеніяхъ. Мои предположенія были разобраны по косточкамъ и осуждены, частью какъ нелѣпость, частью по неосуществимости. Одно-де пригодно, а другое, хотя и не дурно, но принадлежитъ къ области праздныхъ мечтаній. Словомъ, комитетъ „Литературнаго фонда“ проявилъ въ данномъ случаѣ такую косность и принципиальную предубѣжденность противъ всякихъ „новшествъ“, какую очень странно встрѣчать въ средѣ, обыкновенно стоящей во главѣ прогрессивнаго движенія въ государствѣ и народѣ.

Мнѣ тяжело было очутиться въ видѣ какого-то разрушителя и врага литературнаго учрежденія, которое я всегда любилъ и ради развитія и успѣха котораго разработалъ свои предположенія. Особенно былъ я огорченъ, что для побѣды надо мной въ общее собраніе былъ нарочно приглашенъ К. Д. Кавелинъ, и члены комитета отнеслись ко мнѣ, какъ бы къ личному своему врагу. Я просилъ образовать, по крайней мѣрѣ, комиссію для выработки другихъ основаній реформы, если мои не годятся; но комитетъ отвергалъ всякую потребность въ улучшеніяхъ. Общее собраніе, однако, признало, что мысль о *взаимопомощи* заслуживаетъ вниманія, и что комитету необходимо обсудить: не слѣдуетъ ли „Литературному

фонду“ взять на себя починъ въ организаціи ея *отдѣльно отъ „фонда“*. Въ слѣдующемъ общемъ собраніи, комитетъ призналъ полезнымъ осуществленіе этой мысли, но устранился отъ всякаго участія въ предположенномъ дѣлѣ. Большинствомъ 16 голосовъ противъ 14 это заключеніе было принято. Комитетъ состоитъ изъ 12 членовъ; слѣдовательно, его заключеніе было поддержано только четырьмя участниками собранія. Большинство собранія, въ сущности, высказалось въ пользу новой организаціи; но съ формальной стороны побѣдилъ „старый порядокъ“; разрушительная буря прошла мимо, прежнее благополучіе удѣлѣло. „Новшество“ было заторможено на 10 лѣтъ!..

Въ 1901 году была учреждена, по моей мысли, „*касса взаимопомощи*“, въ связи съ „Литературнымъ фондомъ“, но съ полной автономіей. Оба учрежденія могли дѣйствовать въ совершенномъ согласіи, не мѣшая одно—другому, восполняя тѣ или другіе пробѣлы дѣятельности. Касса не получила ни одного рубля вещественной помощи отъ „Литературнаго фонда“, но починъ стараго общества въ учрежденіи кассы имѣлъ важное значеніе. Нѣкотораго рода патронатство всѣмъ извѣстнаго общества устранило хотя отчасти сомнѣнія въ осуществимости новаго учрежденія. Не вѣрили началамъ его, утверждали, что не найдется достаточнаго числа членовъ, предрекали, что первая сумма быть можетъ и будетъ выдана, но никто и никогда не возмѣститъ-де этой выдачи. Сомнѣвались сами въ себѣ, въ способности литераторовъ къ аккуратности, къ выполненію своихъ обязательствъ, къ сознанію своихъ интересовъ и въ удовлетвореніи ихъ путемъ взаимной поддержки и обязательной, братской помощи.

Всѣ эти сомнѣнія и мрачныя предсказанія, обычныя въ каждомъ новомъ дѣлѣ, были побѣждены. Несмотря на самыя тяжелыя времена, и большія, все возрастающія выдачи, касса взаимопомощи очень успѣшно развиваетъ свою дѣятельность. Въ 16 лѣтъ она имѣетъ въ 2½ раза большій капиталъ, нежели тѣ средства, какими „Литературный фондъ“ обладалъ въ первыя 25 лѣтъ своего существованія. Членовъ почти вдвое болѣе, нежели въ „Литературномъ фондѣ“, хотя въ немъ могутъ участвовать и сторонніе „благотворители“.

Касса выдала въ 1906 году болѣе 40.000 рублей страховыхъ суммъ, производитъ пенсіи на сумму 5.100 рублей и освободила уже всѣхъ членовъ-учредителей отъ обязательныхъ платежей, гораздо ранѣе, нежели предположено было уставомъ.

Какъ только наше общество оправится отъ смуты и оскуднѣнія, а ряды его будутъ все сильнѣе и сильнѣе пополняться образован-

нымъ народомъ, надо надѣяться, что средства кассы и „Литературнаго фонда“ станутъ быстро увеличиваться. Постыдное равнодушіе или вражда къ литературѣ не совмѣстимы съ понятіемъ о свободномъ, просвѣщенномъ народѣ.

Писатели не будутъ умирать отъ голода, какъ случилось недавно, къ стыду нашему, въ Петербургѣ, съ народнымъ поэтомъ П.

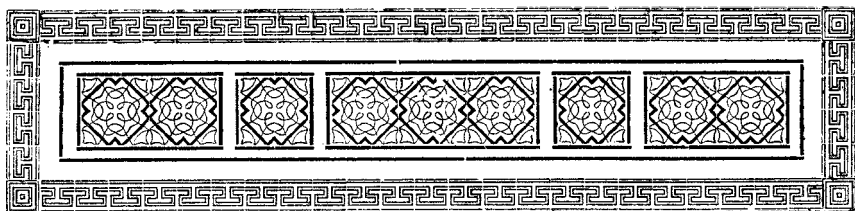
Пока литература не упразднена, надо обезпечить существованіе писателей и избавить ихъ, хотя на случай болѣзни и старости, отъ нищенскаго положенія и голода. Меценатство исчезло; милліонныя пожертвованія идутъ на то, или другое дѣло. Пусть идутъ, никто не посягаетъ на нихъ. Но все же, крайне прискорбно, что въ шестой части Свѣта 140 милліонный народъ отжилъ двухвѣковой юбилей печати и не собралъ даже милліона рублей для обезпеченія тружениковъ мысли и слова, жертвующихъ здоровьемъ и жизнью на пользу общую, во время мира, и на войнѣ. Нѣтъ тяжелѣе непрерывной газетной работы съ ночами напролетъ, да еще подъ дамокловымъ мечомъ всевозможныхъ каръ и преобразованій. Государство и общество ослѣпло бы, не будь этого каторжнаго труда.

Каждый подписчикъ не разорился бы, прибавивъ 10—20 коп. въ годъ къ подписной платѣ; а изъ копѣекъ составились бы сотни тысячъ, и читатель могъ бы утѣшаться сознаніемъ, что въ этомъ благомъ, справедливомъ дѣлѣ и его скромная лепта приноситъ великую пользу. Составился бы „читательскій фондъ“, и онъ былъ бы памятникомъ степени образованности русскаго народа.

Г. К. Градовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ минувшаго ¹⁾.

(Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.).

XI.

Изъ исторіи учрежденія кассы взаимопомощи литераторовъ.

Ближайшіе поводы къ учрежденію кассы взаимопомощи.—Краткій очеркъ разработки устава.—Мытарства по утвержденію его.—И. Д. Деляновъ.

Мысль объ организаціи профессиональной взаимопомощи, съ государственной и общественной поддержкой, все болѣе и болѣе распространялась. Чиновники, желѣзныя дороги, банки, учителя, военные, судебные чины учреждали товарищества, потребительныя общества, ссудо-сберегательныя и похоронныя кассы; но литературная среда недвижно коснѣла въ случайной и неудовлетворительной филантропіи, хотя процвѣтаніе литературы связывается съ важнѣйшими государственными, общественными и народными интересами. Высокое призваніе писателей и печати настоятельно требуетъ свободной, независимой дѣятельности. Правильная постановка ея составляетъ первѣйшую потребность всѣхъ и каждого. Литературная профессія не замкнута, она открыта для всѣхъ, кто одаренъ талантомъ, вдохновленъ свѣтомъ истины и правды, воодушевленъ общимъ благомъ. Въ литературной средѣ всѣ званые, хотя и не всѣ избранные. Писателями и публицистами были, есть и будутъ короли и крестьяне, первѣйшіе госу-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, апрѣль 1908 г.

дарственные люди и скромные чиновники, военные и гражданскіе, духовныя лица и ученые. Всѣ, въ комъ загоралась хотя на минуту божественная искра, должны любить литературу, дорожить ея достоинствомъ и заботиться о ея свободномъ развитіи, чуждомъ всякаго искаательства и давленій, мыслелюбныхъ цѣпей и соблазновъ.

Извѣстно, что проигранное дѣло, неудачное предпріятіе очень трудно возобновить. Нелегко было возбудить вновь вопросъ объ учрежденіи кассы взаимопомощи. Толчкомъ послужили двѣ смерти и безпомощное положеніе нѣкоторыхъ тяжело-больныхъ писателей, изъ числа которыхъ достаточно упомянуть поэта Надсона. Скончался профессоръ Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ. Хотя онъ и получалъ пенсію, но похоронить его было не на что. Онъ все раздавалъ, что имѣлъ, и закладывалъ вещи, чтобъ оказывать пособія нуждающимся студентамъ. Хоронили его на 100 рублей, выданныхъ „Литературнымъ фондомъ“. Это считалось громаднымъ пособиемъ; другимъ давали 50 руб. Но о реальной величинѣ этихъ благодѣній лучше всего знаютъ гробовщики и кладбищенскіе хищники съ ихъ молитвами и обрядами *по таксъ*. Умерла извѣстная писательница Хвощинская, авторъ романа „Большая медвѣдица“. Съ другой нашей талантливѣйшей писательницей я ѣздилъ въ Петергофъ на похороны. Мы ужаснулись жалкой дырявой лачужкѣ, гдѣ-то на задворкахъ, въ родѣ стараго „приспособленнаго“ подъ дачу сарайчика, гдѣ догорала и скончалась Хвощинская. Все было нищенское и крохотное. Покойница лежала въ гробикѣ, маленькая, изможденная недугомъ и бѣдностью. Если бы не подруга, цѣнившая ея таланты, не было бы кому и похлопотать о похоронахъ. Лучшую нашу писательницу хоронили на пособие, выданное редакціей одного журнала.

Возвращаясь изъ Петергофа, я не переставалъ возмущаться бѣдственнымъ, безправнымъ положеніемъ нашихъ „избранныхъ“ людей. „Какъ ни дорого бѣдному жить — умирать ему вдвое дороже“... Неужели нельзя соединиться, организовать такъ, чтобъ, хотя на похороны, не надо было испрашивать милостыни?..

Я добылъ всѣ главнѣйшіе уставы и ознакомился съ ихъ основаніями. Наиболѣе подходящими оказались похоронныя кассы; но въ нихъ было и много отталкивающаго... Многіе не любятъ даже думать о смерти, а другіе рѣшаютъ небрежно, что имъ рѣшительно все равно, что будутъ дѣлать съ ихъ трупомъ... Полиція и санитарные или больничные врачи позаботятся, примутъ „надлежащія мѣры“... Нашего брата погребальными мотивами не проймешь... Надо было бы для жизни, для семьи что-нибудь; можетъ быть тогда и цѣна смерти будетъ иная.

Но что жизненное можно сдѣлать изъ похоронной кассы?

Мысль объ этомъ и всевозможныя соображенія долго мучили меня. Наконецъ, въ одну бессонную ночь, едва я заснулъ, мнѣ грезятся основныя положенія, которыя развиваютъ погребальную кассу въ страховое учрежденіе, съ пенсіями и другими выгодами, всецѣло предназначенными для живыхъ, для избавленія ихъ отъ нуждъ и милостыни. Особымъ преимуществомъ этихъ предположеній является отсутствіе необходимости предварительныхъ накопленій и сбереженій. Намъ не изъ чего сберегать, а расходовать безъ оглядки мы привыкли... Въ придуманныхъ же основахъ кассы чѣмъ больше расходуется для другихъ, тѣмъ болѣе получается правъ для насъ самихъ. Вся основа кассы построена на евангельской заповѣди: „Давайте и дастся вамъ“ (отъ Луки, 6, 38). Сбереженія и довольно крупныя составляются путемъ расходовъ, весьма гуманныхъ и похвальныхъ. Лучшаго нельзя и придумать для литературныхъ привычекъ и нашей широкой натуры, для пѣвчихъ птицъ, которымъ болѣе всего чужды матеріальныя заботы, плюшкинское скопидомство.

Мнѣ такъ ясно, связано и убѣдительно пригрезились всѣ эти положенія и доводы, что я всталъ рано утромъ и поспѣшилъ записать ихъ, чтобъ они не ускользнули какъ-нибудь изъ памяти.

Я не удивился этому вѣщему сну. Мнѣ и прежде много разъ случалось засыпать съ мыслями о статьѣ или рѣчи, а на утро все ясно слагалось въ головѣ и оставалось только переложить на бумагу придуманное во снѣ. Мнѣ казалось даже, да и теперь думается, что какой-нибудь Эдиссонъ изобрѣтетъ аппаратъ, который будетъ прикладываться къ виску, гдѣ бьется пульсъ, и во время сна будутъ механически записываться цѣлыя книги, въ самыхъ красивыхъ, сильныхъ и логичныхъ формахъ. Сколько такихъ книгъ пропало у каждаго писателя!.. Потому ли, что ихъ нельзя было записать медленной, усталой рукъ, или по одной изъ тѣхъ причинъ—причинъ, которыя, вообще парализуютъ творчество русской мысли...

Основныя положенія кассы были одобрены моими друзьями и внесены въ комитетъ „Литературнаго фонда“ въ апрѣлѣ 1889 г. Въ октябрѣ того же года была образована комиссія для разработки устава при непосредственномъ участіи предсѣдателя „Лит. фонда“ профессора В. И. Сергѣевича. Онъ горячо поддержалъ мои предположенія, и съ нимъ мы окончательно редактировали проектъ устава. На возраженія, будто не найдется достаточнаго числа охотниковъ участвовать въ кассѣ, В. И. Сергѣевичъ очень логично отвѣтилъ:

— Никто не упрекнетъ насъ, если хорошей организаціей не пожелають воспользоваться тѣ, для кого она предназначена; но мы приняли бы на себя тяжкій грѣхъ, если бы затормозили или разру-

шили полезное дѣло подѣ необоснованнымъ предлогомъ, будто люди нашей среды не способны сознать своихъ выгодъ.

Комитетъ „Литературнаго фонда“ единогласно одобрилъ проектъ устава и внесъ его на обсужденіе годового общаго собранія. Такое же единогласное одобреніе послѣдовало и въ собраніи при содѣйствіи К. К. Арсеньева, который замѣнилъ въ 1890 г. В. И. Сергѣевича. Третьимъ лицомъ, особенно помогшимъ учрежденію кассы, былъ академикъ И. И. Янжулъ, помѣстившій въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ обстоятельную статью, убѣждавшую въ правильности ея организаціи. Послѣ разъясненій и оцѣнки И. И. Янжула, исчезли послѣдніе „вороны“, каркавшіе всякія сомнѣнія, и ослабло обычное предубѣжденіе противъ новаго учрежденія.

Въ апрѣлѣ 1890 г., проектъ устава кассы былъ представленъ въ министерство народнаго просвѣщенія, и на меня была возложена пріятная обязанность поддержать это ходатайство и давать гдѣ слѣдуетъ необходимыя объясненія.

Задача эта была нетрудная. По моимъ прежнимъ служебнымъ связямъ и по литературной извѣстности, во всѣхъ вѣдомствахъ у меня были знакомые. Съ другой стороны „Литературный фондъ“ пользовался большимъ уваженіемъ, и многія вліятельныя лица находились въ числѣ его членовъ. Надо было только торопиться, чтобы не настало лѣтнее время, когда администрація наша запираетъ, министры и главные начальники бросаютъ Петербургъ, и всѣ сколько-нибудь важныя или новыя дѣла откладываются до осени.

Свои „хожденія“ я началъ съ директора департамента министерства народнаго просвѣщенія, рассказалъ, въ чемъ дѣло, и просилъ возможно скорѣе дать ходъ нашему ходатайству. Директоръ обѣщалъ полное содѣйствіе и посовѣтовалъ отправиться къ министру, у котораго я и самъ считалъ необходимымъ побывать, чтобы привлечь его вниманіе къ этому дѣлу.

И. Д. Деляновъ меня давно зналъ; но мнѣ не случалось бывать у него въ качествѣ просителя. Онъ жилъ въ частной квартирѣ на Невскомъ, въ домѣ Армянской церкви, и принималъ на дому. Это былъ человѣкъ добрый, охотно исполнявшій всякія просьбы, если только онѣ не выходили изъ обычнаго бюрократическаго формализма. Если же дѣло хотя немного выдѣлялось изъ установившейся канцелярской колеи, И. Д. Деляновъ впадалъ во всевозможныя сомнѣнія, настороживался и старался отклонить отъ себя малѣйшую отвѣтственность.

Выслушавъ мои объясненія и убѣдившись, что въ дѣлѣ имѣется нѣчто новое, Деляновъ прежде всего остановился на вопросѣ: почему тревожатъ его вѣдомство?

— Если это нѣчто подобное похоронной кассѣ, то вамъ надо обратиться въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Меня это не касается.

Сразу предстоялъ самый непріятный бюрократическій тормозъ, спихиваніе дѣла изъ одного министерства въ другое, пререканія о подвѣдомственности. Подобныя пререканія затягиваютъ инныя дѣла на многіе годы. Я прибѣгъ ко всей силѣ самыхъ краснорѣчивыхъ доводовъ, чтобы убѣдить Делянова, что кассу желательно учредить при „Литературномъ фондѣ“, который находится въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія: новому литературному учрежденію необходимо де дѣйствовать совмѣстно съ старымъ, и писателямъ пріятно имѣть дѣло съ просвѣщеннымъ вѣдомствомъ, а не съ министерствомъ, которое относится къ литературѣ и ея представителямъ исключительно съ полицейской точки зрѣнія. Министерству народнаго просвѣщенія не подобаетъ уклоняться отъ своихъ старыхъ, естественныхъ связей съ литературой, а слѣдовательно и съ учрежденіями, предназначенными на пользу умственныхъ дѣятелей.

— Не могу допустить даже мысли,—прибавилъ я,—что маститый руководитель народнаго просвѣщенія откажетъ въ своемъ покровительствѣ полезнѣйшему литературному учрежденію и станетъ отталкивать его въ чуждое вѣдомство—какъ какое-нибудь „мертвое тѣло“, которое перебрасывалось крестьянами съ межи на межу, чтобъ не нажить бѣды. Мы не „мертвое тѣло“ и никакихъ хлопотъ вамъ не причинимъ!..

Такъ или иначе, доводы мои подѣйствовали. И. Д. Деляновъ согласился считать дѣло о кассѣ подвѣдомственнымъ министерству народнаго просвѣщенія, обѣщалъ и ускорить его; но въ концѣ-концовъ все же заявилъ:

— Мы пошлемъ уставъ на заключеніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Все же печать состоитъ теперь въ его вѣдѣніи.

Противъ этой обычной бюрократической процедуры я не рѣшился возражать и поблагодарилъ Делянова за его согласіе и обѣщанія.

Надо было опять побывать у директора, просить и его не возбуждать „пререканій“ и скорѣе сдѣлать запросъ министерству внутреннихъ дѣлъ. Недѣли черезъ двѣ, бумага была написана, я получилъ № и отправился въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Запросъ могъ очутиться въ главномъ управленіи по дѣламъ печати или въ департаментѣ, гдѣ разсматриваютъ уставы общественныхъ учрежденій.

— Съ какой стати насъ спрашиваютъ?..—тономъ упрека сказалъ мнѣ начальникъ отдѣленія...—„Литературный фондъ“ находится въ

вѣдѣніи народнаго просвѣщенія, касса учреждается при фондѣ, намъ до нея нѣтъ дѣла. На основаніи закона каждому министру предоставлено разрѣшать подобныя учрежденія своей властью. Уставъ вашъ долженъ утвердить только Деляновъ и насъ вмѣшивать сюда нечего. Мы отвѣтимъ, что дѣло это насъ не касается.

— Позвольте убѣдительнѣйше просить васъ не возбуждать этого спора... Онъ можетъ затянуться надолго... Вы совершенно правы, но напишите, что со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ не встрѣчается препятствій...

— Но вѣдь это не наше дѣло, мы и разсматривать проекты не станемъ,—упрямился начальникъ отдѣленія.

— Но нельзя же запретить одному министру спрашивать другого о заключеніи его по извѣстному вопросу?.. Это извѣстнаго рода вѣжливость, проявленіе уваженія къ чужой компетентности. На вѣжливость надо отвѣчать вѣжливостью. Если нѣтъ препятствій, то отчего же и не написать объ этомъ?.. Бумага будетъ коротенькая и, если угодно, я ее напишу, чтобы облегчить ваши труды...

Начальникъ отдѣленія смилостивился и обѣщалъ отвѣтить въ желанномъ смыслѣ. Я боялся, что уклончивый отвѣтъ перепугаетъ Делянова, возбудитъ его мнительность... Главнѣе всего, я просилъ о включеніи трехъ словъ: „препятствій не встрѣчается“...

Дѣйствительно, хотя въ отвѣтномъ отзывѣ и указывалось, что данное дѣло не подлежитъ вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ и всецѣло зависитъ отъ министра народнаго просвѣщенія, но желанная фраза объ отсутствіи „препятствій“ значилась. Опять съ въ рукахъ, выждавъ должное время, не безъ торжества поѣхалъ я въ просвѣтительное министерство...

На мой ликующій видъ и выраженную надежду, что всѣ формальности уже выполнены, директоръ нѣсколько конфузиво заявилъ, что надо еще спросить заключеніе министерства финансовъ.

— Помилуйте, — взмолился я, — при чемъ же тутъ финансы... Вамъ отвѣтять, что это не ихъ дѣло.

— Видите ли, самое названіе „касса“ указываетъ на финансовую сторону... Такъ угодно Ивану Давидовичу (Делянову)... Да вѣдь это не затянется...

— Какое не затянется!.. Каждый подобный запросъ, какъ его ни подталкивай, захватываетъ не менѣе мѣсяца. Но нечего было дѣлать, начальство нельзя раздражать, можно только просить объ ускореніи.

Въ министерствѣ финансовъ царилъ уже полный лѣтній отдыхъ. Не было даже товарища министра. Текущими дѣлами вѣдалъ членъ совѣта Д. О. Кобеко. Это вышло очень удачно. Онъ былъ членомъ

„Литературнаго фонда“, исполнялъ даже года два обязанности казначея, и мнѣ случалось его ревизовать.

Автора монографіи „Царевичъ Павелъ Петровичъ“ я давно зналъ, а ему былъ хорошо извѣстенъ вопросъ о кассѣ взаимопомощи. Д. Θ. Кобеко смѣялся, когда я ему рассказалъ о моихъ похожденияхъ, и общалъ не спорить съ почтеннѣйшимъ Иваномъ Давидовичемъ и угостить его той же успокоительной фразой о немѣннѣи препятствій. Надо было все же разыскать, гдѣ находилась бумага? Оказалась она въ кредитной канцеляріи. По безконечнымъ полутемнымъ корридорамъ, съ запиской Д. Θ. Кобеко, курьеръ провелъ меня въ эту канцелярію, гдѣ рѣшались дѣла о сотняхъ милліоновъ, и гдѣ требовалось теперь заключеніе о кассѣ, начавшей свою дѣятельность съ 400 рублей.

Конечно и тутъ выразили удивленіе, справились у меня, не предполагается ли какихъ-нибудь „ссудныхъ“, кредитныхъ операцій, и подтвердили, что дѣло это не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ министерству финансовъ. Тѣмъ не менѣе, отвѣтъ былъ написанъ съ волшебной бюрократической фразой.

Снова очутился я у директора департамента просвѣтительнаго вѣдомства и шутливо выразилъ увѣренность, что всѣ заключенія, какія только можно было придумать, получены уже, если только не обезпечивать этимъ головоломнымъ вопросомъ св. синодъ или военное министерство... Директоръ согласился, что спрашивать, кажется, уже некого, но все же посовѣтовалъ опять побывать у министра, чтобъ уговорить его утвердить уставъ. И. Д. Деяновъ выслушалъ меня очень терпѣливо, указалъ на то, что дѣло идетъ очень успѣшно и быстро, вопреки моимъ опасеніямъ, и что теперь остается только внести его на разсмотрѣніе комитета министровъ.

У меня и руки опустились, услышавъ объ этой новой отсрочкѣ, объ этой новой совершенно неожиданной инстанціи.

— Но, вѣдь, по существующимъ правиламъ, какъ мнѣ вездѣ говорили, утвержденіе подобныхъ уставовъ зависитъ отъ власти министра,—пробовалъ я возразить.

— Такъ-то оно такъ, но „Литературный фондъ“ утвержденъ Высочайшею властью, а утвержденное Высочайшею властью подлежитъ измѣненію или дополненію только съ Высочайшаго соизволенія.

— Но вѣдь это измѣнено теперь...

— Повѣрьте, будетъ лучше, такъ будетъ крѣпче... Да почему вы торопитесь?

— Болѣе десяти лѣтъ дѣло это тянется, боюсь, что пылъ учре-

дителей остынетъ... Многіе, пожалуй, умрутъ, пока дѣло это разсѣжится!..

— Богъ дастъ не умрутъ, — возразилъ Деляновъ, — я немедленно представлю, а вы походатайствуйте о скорѣйшемъ разсмотрѣніи.

Нечего дѣлать, надо было подчиниться этому рѣшенію... Для характеристики всей этой осторожности и мнительности И. Д. Делянова, надо напомнить, что въ это время онъ былъ на верху своей государственной дѣятельности, съ вполне упроченнымъ положеніемъ. Онъ рабски слѣдовалъ удушливой „учебной реформѣ“ 70-хъ годовъ.

Надъ университетами хозяйничали чиновники министерства; относительно гимназій послѣдовалъ извѣстный циркуляръ противъ доступа низшихъ сословій, „кухаркиныхъ сыновей“.

Всѣ ждали, что послѣ смерти графа Д. А. Толстого и Каткова, положеніе учебнаго дѣла нѣсколько улучшится, и престарѣлый Деляновъ будетъ сданъ на храненіе въ Государственный Совѣтъ. Надѣялись, что это случится по поводу 50-ти лѣтняго юбилея службы Делянова. Но произошла катастрофа 17 октября 1888 года, въ Боркахъ; студенты въ Харьковѣ и Петербургѣ восторженно привѣтствовали Государя и Императрицу. У Казанскаго собора градоначальника Грессера даже свалили, когда онъ въ избыткѣ усердія вздумалъ не допускать студентовъ къ Царственной четѣ. Общественное настроеніе, жаждавшее улучшеній въ законномъ порядкѣ, не утратившее вѣры въ мирное развитіе по почину Верховной Власти, отразилось и на учащейся молодежи. Всѣ сочувствія и манифестаціи по поводу катастрофы сочтены были, однако, за признаки общаго довольства и благополучія. И. Д. Деляновъ былъ пожалованъ въ графы и оставленъ министромъ на неопредѣленное время. Учебное дѣло тоже застыло.

Представленіе въ комитетъ министровъ составлено было вполне благопріятно; никакихъ измѣненій проектъ устава не потерпѣлъ. Едва настала, осень и возобновились занятія государственныхъ учрежденій, я побывалъ въ комитетѣ министровъ. Управляющимъ дѣлами былъ давній мой знакомый г. Куломзинъ, котораго я зналъ еще дѣлопроизводителемъ. Онъ былъ причастенъ къ литературѣ нѣкоторыми монографіями по исторіи финансовъ. Предсѣдателемъ комитета министровъ былъ Н. Х. Бунге. Онъ очень хорошо зналъ меня, какъ профессоръ, какъ сотрудникъ „Кіевлянина“ и старый другъ В. Я. Шульгина. Не трудно было вызвать ихъ сочувствіе и содѣйствіе новому литературному учрежденію. Н. Х. Бунге обратилъ вниманіе на § 46-й устава, который предоставлялъ касѣ самостоятельно

учреждать отдѣленія, пенсіи и другія правила. По обычнымъ нашимъ порядкамъ, на все это надо испрашивать каждый разъ особое разрѣшеніе министра или другого начальника. На это замѣчаніе я возразилъ, что дѣло это новое, требующее указаній опыта и частыхъ, хозяйственныхъ, такъ сказать, или тактическихъ измѣненій. Испрашиваніе каждый разъ особыхъ разрѣшеній затормозитъ дѣло и будетъ напрасно утруждать министерство. Въ кассѣ имѣются достаточное число ученыхъ, юристовъ, экономистовъ и публицистовъ, которые, безъ сомнѣнія, болѣе компетентны въ подобныхъ дѣлахъ, нежели тѣ начальники отдѣленій, которые въ дѣйствительности будутъ рѣшать эти сторонніе для нихъ вопросы. Учено-литературной средѣ можно, хотя бы въ видѣ исключенія, предоставить больше самостоятельности, нежели другимъ общественнымъ учрежденіямъ.

Н. Х. Бунге вполне согласился съ этими доводами.

Другимъ, не менѣе важнымъ, исключеніемъ устава можно считать отсутствіе въ немъ пагубнаго для всякаго дѣла параграфа, предоставляющаго любому начальнику закрывать учрежденіе по своему произволу даже по какимъ-то неопредѣленнымъ „дошедшимъ свѣдѣніямъ“ или слухамъ.

Если такое правило существуетъ въ видѣ общаго закона, то нѣтъ надобности повторять его въ каждомъ уставѣ. Если же его нѣтъ, то отъ этого разрушительнаго и юридически немыслимаго произвола надо оберегать каждое сколько-нибудь полезное учрежденіе.

Въ началѣ ноября 1890 г. комитетъ министровъ одобрилъ уставъ кассы безъ измѣненій и положилъ предоставить министру народнаго просвѣщенія утвердить его. Но это послѣдовало Высочайшее соизволеніе 9-го ноября 1890 г. Въ томъ же мѣсяцѣ, 22 ноября, министръ утвердилъ уставъ.

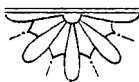
Къ апрѣлю 1891 г. нашлось болѣе 100 учредителей, и 5 мая того же года касса взаимопомощи была открыта.

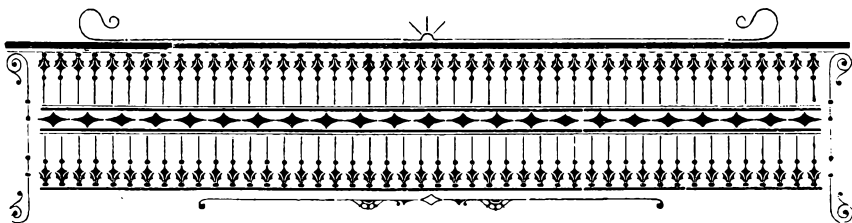
Положеніе кассы теперь прекрасное, а при восстановленіи нормальныхъ условій жизни, общихъ всему просвѣщенному человѣчеству, она можетъ развить нынѣшнія свои задачи и прибавить новыя, на тѣхъ же правовыхъ основахъ. Остается лишь пожалѣть, что какое-то недоразумѣніе отдѣлило кассу отъ „Литературнаго фонда“, безъ достаточно разумныхъ основаній. Всѣ доводы говорятъ не въ пользу розни, а о необходимости соглашенія, чтобъ не растрачивались напрасно силы и средства. *Viribus unitis!*.. Дѣятельность одного учрежденія должна дополнять дѣятельность другого. Къ этому соглашенію слѣдовало бы примкнуть и „Академическому фонду“.

Позволительно надѣяться, что въ 1909 году, при празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея „Литературнаго фонда“, будетъ признано, что учрежденіе кассы взаимопомощи не только не разрушило этого почтеннаго общества, но устранило отъ него много нареканій, которыя вызывались общими недостатками обычной благотворительной помощи, со всѣми ея случайностями. Руководители и члены „Литературнаго фонда“, содѣйствовавшіе въ 1889—1891 годахъ, учрежденію кассы взаимопомощи, гораздо правильнѣе сознавали истинные интересы „Литературнаго фонда“, нежели дѣатели его послѣдняго времени, внесшіе рознь и распадъ въ общее благое дѣло. Но эта ошибка легко поправима, и исправленіемъ ея очень хорошо бы было ознаменовать полувѣковой юбилей благотворнаго дѣла, начатаго въ 1859 году, но далеко еще незавершеннаго.

Г. К. Градовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ минувшаго.

(Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.) ¹⁾.

ХІІ.

Славянское движеніе.

Начало славянскаго движенія въ 1875 году.—Оживленіе и новое направленіе славянскаго комитета.

свободительное движеніе 60-хъ годовъ весьма часто приравниваютъ къ анархіи. Преобразованія Александра ІІ обзываютъ противонародными и яко-бы враждебными истинно-русскому духу.

Люди, родившіеся послѣ 19-го февраля 1861 года, чуть не съ презрѣніемъ говорятъ о великой реформѣ, какъ о какой-то ничтожности. Другіе съ негодованіемъ отрицаютъ самую мысль о возможности возобновленія выкупной операціи съ цѣлью земельнаго обезпеченія крестьянъ. Всѣмъ этимъ хулителямъ можно отвѣтить стихомъ Некрасова:

Знаю: на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ;
Такъ... но распутать ихъ легче народу,
Муза!... Съ надеждой привѣтствуй свободу.

Въ свѣтлые дни освобожденія совершилось одно важное приоб-
рѣтеніе, которое теперь забыто. Освободился, развился нашъ род-

¹⁾ См. „Русская Старина“ 1903 г. май.

ной литературный языкъ. Хорошо ли или дурно, умно или глупо на русскомъ языкѣ говорятъ и въ новыхъ законодательныхъ палатахъ. Онъ служилъ орудіемъ объединенія и общенія. Русскимъ „глаголомъ“ всѣ національности, входящія въ составъ Россіи, встаютъ противъ произвола и варварства; на нашемъ литературномъ, чудномъ, образномъ, богатомъ языкѣ заявляютъ о своемъ горѣ всѣ угнетенные и оскорбленные; русскими звуками и музыкой русскаго слова вызываютъ къ свободѣ, законности, человѣчности и справедливости. Правда, иные портятъ русскій языкъ, уродуютъ его безъ всякой надобности иностранными словами и чуждыми оборотами, но отъ этого нароста легко освободиться, по мѣрѣ развитія общенія и развитія образованности. Богатства нашего языка будутъ расти и множиться.

Въ юности моей въ обществѣ нельзя было обойтись безъ французскаго языка. По-русски говорили только съ прислугой, съ торговцами и ремесленниками, да съ будочниками или мелкими чинушками. Для большинства дворянства все образованіе сводилось къ болтовнѣ на французско-нижегородскомъ жаргонѣ. Дамское общество, институты и пансіоны съ ихъ „*chère maman*“ нельзя было представить безъ французскаго говора. Даже русскія модистки, кондитерскія, парикмахерскія прикрывались иностранными вывѣсками и старались принять „парижскій“ обликъ. Въ Малороссіи рассказывали по этому поводу смѣшной анекдотъ. Помѣщицья семья пріѣхала въ Полтаву на Ильинскую ярмарку. Барыня торопится получить заказанное платье и шлетъ къ портнихѣ крѣпостного слугу. Тотъ возвращается и докладываетъ:

— *Мадамы* не було дома, а *самъ Мадамъ* вышовъ (вышелъ) и казавъ, шо прышлетъ.

Даже выдрессированная „галантерейная“ прислуга знала, что портнихъ неприлично называть по-русски. Соответственно этому, относились и къ литературѣ. Многіе не имѣли понятія о Пушкинѣ, Лермонтовѣ и Гоголѣ. Французскіе романы считалось приличнымъ держать на столѣ и въ рукахъ дѣвушекъ. Высшее петербургское общество бывало въ Михайловскомъ театрѣ или въ итальянской оперѣ; а въ русскую оперу или Александринскій театръ заглядывали только по торжественнымъ днямъ и въ исключительные „бенефисные“ спектакли. Переписывались по-французски между родственниками и знакомыми. Императоръ Николай Павловичъ прибѣгалъ къ французскому языку даже въ официальныхъ дѣлахъ, въ сношеніяхъ съ министрами, съ главнокомандующими и начальниками главнаго штаба. Чужой языкъ господствовалъ въ сношеніяхъ Царской Семьи. Шефъ жандармовъ, генералъ Бенкендорфъ велъ

свой дневникъ на языкѣ Вольтера, и императоръ Николай Павловичъ дѣлалъ на этомъ дневникѣ свои отмѣтки изреченіями „гнилого“ и „революціоннаго“ Запада. Изъ этого можно видѣть, въ какой мѣрѣ уважалась „народность“, входившая въ составъ извѣстной трехъ-членной формулы въ закрѣпощенномъ народѣ.

Въ эпоху застоя и реакціи мы весьма удачно обособлялись отъ общечеловѣческаго прогресса, отъ науки и „либеральныхъ идей“, но русскій языкъ, литература и русскій народъ находились въ полномъ пренебреженіи, какъ нѣчто грубое и низшее, обреченное лишь на служебную роль для господъ и чиновниковъ. На смотрахъ придирчивые генералы гнѣвно замѣчали: „Дышать!“...

Вздымавшіеся отъ дыханія груди нарушали равненіе, стройность марширующей линіи. Русскую душу, дыханіе жизни искореняли во всемъ народѣ, въ духовенствѣ, купечествѣ. Но прежде всего и тщательнѣе всего реакція давила, мертвила знаніе, мысль, литературу, устное слово. По-русски мы умѣли *молчать*, да развѣ браниться, сквернословить.

Въ 60-хъ годахъ русскій языкъ получилъ права гражданственности въ семьѣ, въ обществѣ, въ перепискѣ, въ новомъ судѣ, во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Мнѣ случалось видѣть собственноручныя письма Царя-Освободителя. Они были написаны прекраснымъ, разборчивымъ почеркомъ, отличнымъ русскимъ языкомъ.

У императрицы Маріи Александровны бывали вечера, на которыхъ читались новѣйшія русскія произведенія, романы и стихи. Извѣстно, что графъ А. К. Толстой, чуждый всякой лести, въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ, посвятилъ свои произведенія покойной Государынѣ, при которой преобразовалось и двинулось просвѣщеніе русской женщины. Въ 60-хъ годахъ ожилъ русскій театръ и окрѣпла русская опера.

Послѣ дореформеннаго мрака, особенно выигралъ публицистическій языкъ. На описаніи молебновъ и табельныхъ дней нельзя было развернуться даже раболѣпному перу Булгарина и Греча. Перепуганные крѣпостники и бюрократы въ 60-хъ годахъ восклицали:

Прежде лишь мелкій чиновникъ
 Былъ твоей жертвой, печать;
 Если-жъ военный полковникъ—
 Стой! ни подслова! молчать!
 Но отъ чиновниковъ быстро
 Дѣло дошло до тузовъ,
 Даже коснулся министра
 Неустрашимый Катковъ.

Тронуто тамъ у него же
 Много забористыхъ темъ..
 Чѣмъ это кончится, Боже!
 Чѣмъ это кончится, чѣмъ?

Во времена неволи и застоя, немногое уцѣлѣло изъ „благихъ начинаній Екатерины II и Александра I“. Сохранилось въ окаменѣломъ состояніи Вольно-Экономическое общество въ Петербургѣ и не погибло общество „любителей Россійской словесности“ (въ Москвѣ), да и то потому лишь, что оно никогда не собиралось и о немъ всѣ забыли подъ господствомъ „трехъ китовъ“.

Съ освобожденіемъ народа, зародилось много новыхъ общественныхъ учрежденій. Всѣ они дѣйствовали съ оглядкой, подъ страхомъ закрытія и подъ надзоромъ „недреманнаго ока“, всегда глядѣвшаго не туда, куда надо; но все же кое-что шевелилось и прокладывало новые пути. Къ числу такихъ общественныхъ учрежденій принадлежали Славянскіе Комитеты въ Петербургѣ и Москвѣ.

Въ 1871 г., подъ вліяніемъ франко-прусской войны, я поступилъ въ число членовъ Славянскаго Комитета. Название „общество“ не прилагалось тогда къ этому учрежденію. Было нѣчто странное: существовало правленіе, величавшее себя Комитетомъ, а общества не было. Да и все славянофильство представляло много непонятнаго, противорѣчиваго. Сравнительно съ узкимъ націонализмомъ и обособленіемъ народнымъ и государственнымъ, славянофильство являло гораздо болѣе шири и простора. Оно распространялось на всѣ народности одного племени, признавало иныя національности, различіе языковъ и религій, чужіе нравы и обычаи. вмѣсто патріотизма національнаго подставлялся патріотизмъ племенной. вмѣсто національной вражды воскрешалась вражда племенная. Это былъ шагъ впередъ сравнительно съ стремленіями къ насильственному объединенію; славянофильство отвергло религіозную нетерпимость и звѣрскую ненависть къ чужому языку и мнѣнію. Но съ обличительной точки зрѣнія и по отношенію къ христіанской идеѣ славянофильство являлось отсталостью. Оно противорѣчило общечеловѣческому сближенію, международному союзу, сознанію, что всѣ люди—братья. Получалась какая-то путаница, что-то половинчатое, недодуманное. Во имя славянофильства русскій долженъ былъ забывать о своихъ отечественныхъ и національных интересахъ и спасать чеховъ, словаковъ, хорватовъ отъ австрійскихъ нѣмцевъ и венгровъ. Подъ вліяніемъ славянофильства, мы обязаны были воевать съ турками и со всѣми, кто предпочиталъ удерживать въ Босфорѣ и Константинополѣ ослабѣвшихъ турокъ, нежели встрѣчаться тамъ съ болѣе сильной, воинствующей держа-

вой. Отъ разлагавшейся Оттоманской имперіи можно было многое урвать безнаказанно и достигнуть подѣ выгоднѣйшимъ наслѣдствомъ фактической опеки мирныхъ завоеваній. Понятно поэтому, что всякое движеніе Россіи къ проливамъ или Дунаю подымало противъ насъ цѣлыя коалиціи. Но на всѣ эти условія, подѣ давленіемъ славянофильства, мы не должны были обращать ни малѣйшаго вниманія. Россія обязана была проливать кровь своихъ народовъ, чтобъ освобождать румынъ, сербовъ, болгаръ, македонцевъ, чтобъ устраивать благополучіе Черногоріи, Герцоговины и Босніи, чтобъ создать троны для Обреновичей, принцевъ Батенбергскихъ или Кобурговъ, наживая милліоны государственнаго долга, обрекая на нищету и голодъ сотни тысячъ семействъ своей родины. Но самое трагическое положеніе наступало послѣ тяжелыхъ жертвъ, по совершеніи всѣхъ этихъ самоотверженныхъ подвиговъ. За нашими арміями слѣдовали тыловые дѣльцы, чиновники и правители, которыми тѣсно было въ отечественныхъ департаментахъ и канцеляріяхъ. Мы слали туда то, что намъ было негосподствующее... Эти отбросы одаряли освобожденныхъ всѣми недостатками отжившаго бюрократическаго и полицейскаго произвола, „безсудія и взяточничества, а спасенные единоувѣрцы или соплеменники всѣми способами оказывали „противленіе“ этимъ дѣлателямъ. Они благодарили, но молили лишь объ одномъ: уйдите, оставьте насъ въ покоѣ. Всѣ взоры и помыслы ихъ обращались не къ Востоку, а къ Западу. Въ большинствѣ случаевъ братья-славяне охотно пользовались русской помощью для борьбы со своими угнетателями, но вовсе не желали мѣнять прежняго гнета на новый.

Многое изъ этихъ разочарованій выяснилось только впоследствии; но для „западниковъ“, къ которымъ я принадлежалъ, славянофильство всегда казалось сомнительнымъ, чѣмъ-то недоразвитымъ или притворнымъ. Мы не вѣрили въ племенные чувства любви къ людямъ, которыхъ у насъ никто не зналъ. Мы съ своей стороны стали знакомиться только со времени реформъ... Для насъ несравненно ближе были французы, англичане, итальянцы, нѣмцы. Мы уважали ихъ науку и литературу, восхищались ихъ искусствомъ, завидовали ихъ обновленнымъ учрежденіямъ и ихъ общественности. Издавна мы поддерживали съ ними торговые и промышленные отношенія. Французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ и англичанъ мы видѣли не только за границей, но и у себя дома. Многіе изъ нихъ не только обрусѣли, а нѣмцы имѣлись въ числѣ нашихъ соотечественниковъ. Иные изъ нихъ были даже болѣе русскими, нежели сами русскіе. Славяне же, кромѣ поляковъ, были для насъ чужими и представляли лишь матеріалъ для воинственной шумихи и политиканства.

Тѣмъ не менѣе, въ 1871 году меня потянуло въ Славянскій Комитетъ, въ предчувствіи, что ему суждено сыграть видную роль въ ближайшемъ будущемъ нашей общественности. Какъ нарочно, въ это время я познакомился съ Тртіемъ Ивановичемъ Филипповымъ. Онъ занималъ уже вліятельное мѣсто въ Государственномъ Контролѣ, но нельзя было и предвидѣть тогда послѣдующаго его возвышенія. Онъ бывалъ у меня въ качествѣ сотрудника М. Н. Каткова. Мы обмѣнивались мыслями по поводу такого выдающагося, „чреватаго послѣдствіями“ событія, какъ появленіе объединенной Германской имперіи, сулившей „политику крови и желѣза“ всей Европѣ. Т. И. Филипповъ писалъ статьи противъ отдѣленія болгарской церкви, въ защиту греко-восточнаго церковнаго единства. Я оспаривалъ это мнѣніе, высказываясь въ пользу болгарской самостоятельности, какъ основы дальнѣйшаго освобожденія. Прежде мы поддерживали возрожденіе грековъ, а теперь надо подкрѣпить славянъ,—въ противовѣсъ пангерманизму.

— Такъ вамъ слѣдуетъ записаться въ члены Славянскаго Комитета,—сказалъ намъ Филипповъ.

Оказалось, что онъ состоитъ членомъ Славянскаго Комитета; но это не мѣшало ему въ церковномъ вопросѣ быть на сторонѣ грековъ. Путаница была и тутъ, объясняемая невѣдѣніемъ дѣйствительныхъ отношеній грековъ къ болгарамъ.

Т. И. Филипповъ мнѣ очень нравился. Это былъ человѣкъ основательно образованный и серьезный. Онъ любилъ народную пѣсню и обладалъ хорошимъ голосомъ. Будучи москвичемъ по образованію, онъ всегда участвовалъ въ „Татьянинъ день“, въ объѣздахъ бывшихъ студентовъ Московскаго университета, и многіе съ большимъ удовольствіемъ слушали его пѣніе, когда заваривалась жжонка. Народные разсказчики былинъ и сказокъ были любимыми гостями Филиппова. Помню, какъ одну зиму онъ возился съ какой-то громадной, сухой „сказательницей“, добытой, кажется, изъ Архангельской губерніи. По почину Тртія Ивановича, эта старуха сдѣлалась предметомъ моды столичнаго общества. Ее приглашали на вечера и слушали, какъ Мазини или Патти, хотя менѣе искренно и безъ просьбъ о повтореніи. Въ контролѣ, при Т. И. Филипповѣ, всегда находили мѣсто болѣе умѣренные литераторы, которыхъ можно было терпѣть на службѣ и въ реакціонное время; оказывалъ онъ покровительство и женскому труду. Ему же случалось обличать и крупныя злоупотребленія.

Преимущество Т. И. Филиппова состояло уже въ томъ, что онъ не былъ пропитанъ „приказной“ затхлостью и вышелъ изъ числа

способныхъ учителей-словесниковъ, когда въ Московскомъ университетѣ были живы традиціи Т. Н. Грановскаго и С. М. Соловьева.

По предложенію Т. И. Филиппова, я былъ избранъ въ члены Славянскаго Комитета. Предсѣдательствовалъ тамъ въ это время Гильфердингъ, видимо уже больной и недолговѣчный. Засѣданія Комитета и господствовавшіе въ немъ порядки могли охладить самое пылкое влеченіе къ славянскому дѣлу. Средства были убогія, дѣятельность кукольная. Въ засѣданіяхъ что-то сообщалось о тѣхъ или другихъ тощихъ пособіяхъ, заранѣе предрѣшенныхъ или даже выданныхъ; читались кое-какія выдержки изъ писемъ или просьбъ, полученныхъ случайно изъ поработенныхъ славянскихъ земель.

Никого это не занимало и не задѣвало, не возбуждая даже любопытства. Пригципіальныхъ разговоровъ и обсужденій не получалось. Къ попыткамъ этого рода относились какъ къ посягательству на авторитетъ и распорядительность Комитета или какъ къ риску навлечь непріятности и подозрительность администраціи.

Славянскій Комитетъ терпѣлся, но подъ условіемъ, чтобъ все было шито-крыто и не выходило изъ предѣловъ умѣренности и установленнаго благоповеденія. Съ каждымъ годомъ и довольно быстро, однако, значеніе Славянскаго Комитета разрасталось. Къ нему предъявлялись болѣе широкія требованія со стороны общества, которое какъ-бы стихійно, безъ достаточнаго углубленія въ славянофильскія утопіи, чувствовало, что надо создать новыя опоры противъ германскаго націонализма, родившагося огнемъ и мечомъ!

Обновленное послѣ крымской войны русское общество сочувствовало всѣмъ освобожденіямъ, принимало къ сердцу все страдавшее и угнетенное. Мы зачитывались „Хижиной дяди Тома“ и радовались паденію рабства въ С.-Америкѣ. Общественное мнѣніе было на сторонѣ сѣверянъ въ ихъ борьбѣ съ южными плантаторами. Освобожденіе Италіи, изгнаніе австрійцевъ и неаполитанскихъ Бурбоновъ, обузданіе папства привѣтствовались въ нашей журналистикѣ, какъ побѣды свѣта и правды.

Дамы и дѣти носили шляпы имени Гарибальди, и во всѣхъ альбомахъ имѣлись портреты этого романческаго героя революціи и свободы.

Наполеоновскій деспотизмъ во Франціи оскорблялъ наши убѣжденія... Всѣ были довольны, когда Пруссія разбила отсталую Австрію, бывшую очагомъ всякой неправды и деспотизма. Можно сказать, что все, сколько-нибудь либеральное и человѣколюбивое въ нашемъ обществѣ, всегда было на сторонѣ свободы, свѣта и добра.

Не замѣчалось у насъ и враговъ германскаго объединенія. Но мы привыкли думать, что это единство совершится лучшими путями и предстанетъ въ такихъ формахъ, которыя будутъ благоприятны обществу, миру, наукѣ, прогрессу. Мы представляли себѣ германское единство сквозь призму германской прогрессивной литературы. Мы помнили Шиллера, Гейне и читали Шпильгагена. Въ 1871 году, казалось, что Германія исчезла, что она сама разбита и покорена гораздо болѣе Франціи. Въмѣсто мирной, ученой и музыкальной Германіи, явилась прусская казарма. Гроза вооруженнаго мира сулила много бѣдъ, и можно было опасаться, какъ-бы она не обернулась и противъ насъ, хотя Пруссія сто лѣтъ пользовалась русской поддержкой и дружбой. Простое чувство самосохраненія побуждало поддерживать славянъ и оградить ихъ отъ порабощенія и истребленія. Если мы сочувствовали освобожденію негровъ, то тѣмъ болѣе умѣстно было радоваться освободительному движенію среди славянскихъ народностей, нисколько не задаваясь племенной враждой или новымъ отчужденіемъ отъ всего просвѣщеннаго запада.

Таковы были поводы къ оживленію и распространенію славянофильства со временъ франко-прусской войны. Славянофильскіе вожди понимали это въ смыслѣ торжества старо-московскихъ, дореформенныхъ идей и поворота „назадъ и домой“, къ мнимой „самобытности“, далеко отъ „гнилого запада“. Это заблужденіе привело насъ къ большимъ несчастіямъ, явно сказавшимися въ правленіи графа Н. П. Игнатьева.

Славянскій Комитетъ устраивалъ иногда торжественныя собранія, въ день памяти Кирилла и Меѳодія, и по другимъ случаямъ. Когда умеръ Ю. О. Самаринъ, состоялось торжественное засѣданіе для чествованія этого славянофила, горячаго сторонника всѣхъ преобразованій 60-хъ годовъ. Собраніе отличалось большимъ многолудствомъ. Было произнесено нѣсколько рѣчей въ честь этого публициста и искренняго, умнаго дѣятеля освободительной эпохи, автора „Окраинъ Россіи“. Самаринъ и въ дореформенное время умѣлъ служить добру и правдѣ. Онъ былъ нѣкоторое время въ Кіевѣ, въ видѣ подневольнаго чиновника, какъ это случалось въ царствованіе Николая I. Въ то время, въ Ю.-З. краѣ вводились инвентари, для ограниченія и смягченія крѣпостного права. Объ этой дѣятельности Юрія Ѳедоровича Самарина читалъ я въ поминальномъ собраніи Славянскаго Комитета. Вице-президентъ академіи наукъ Я. К. Гротъ взялъ всѣ эти рѣчи и издалъ ихъ въ видѣ особой брошюры. Публика очень сочувственно отнеслась къ этому чествованію, явно обнаруживая, что въ ней все еще господствовали

тогда либеральныя идеи и сознаніе, не имѣющее ничего общаго съ реакціей. Легальная часть общества, какъ утопающій за соломенку, хваталась за малѣйшій случай, чтобъ выразить свое стремленіе къ дальнѣйшему развитію освободительныхъ преобразованій, по почину правительства, законнымъ путемъ.

ГЛАВА XIII.

Славянское движеніе.

Сборы въ пользу Босніи и Герцеговины.—Возвратъ къ воинственности и забвенію внутреннихъ неурядицъ.—И. П. Корниловъ и князь Васильчиковъ.—Снаряженіе добровольцевъ въ Сербію.—Обсужденіе наступавшей войны.—На литературномъ обѣдѣ.—Мнѣніе Ф. М. Достоевскаго.—Шовинизмъ.—Появленіе архистратига славянской рати.

Быль конецъ августа 1875 года. Въ Петербургѣ чувствовалась еще лѣтняя пустота. Сильные міра сего отдыхали или подкрѣпляли свои силы въ деревнѣ, купались въ морѣ или пили воды, наслаждались природой и дышали чистымъ горнымъ воздухомъ. Второстепенные чиновники пріѣзжали на три-четыре часа въ департаменты или банки и торопились на дачи. Приказчики зѣвали отъ бездѣлья и безлюдья даже въ перинномъ ряду; дамы закупили давно все лѣтнее и не начинали еще осеннихъ затратъ. У подъѣздовъ, на скамеечкахъ, дворники и швейцары играли въ пашки. Шумная, светливая столица превратилась въ сонное царство.

Но Россіи было не до сна. Подъ наружнымъ благополучіемъ, томила тоска, неопредѣленная тревога, неудовлетворенность. Либеральное направленіе внутренней политики утратило свою наступательную силу въ правительствѣ. Реакція сказывалась уже въ такой степени явственно, что въ новогоднемъ фельетонѣ („Голосъ“, 1 января 1875 г.) я изобразилъ тайное засѣданіе заговорщиковъ, гдѣ очерчены были главнѣйшіе враги преобразованій и измѣнники имъ. Они совершали таинственное „радѣніе“, напѣвая:

Охранителенъ нашъ взглядъ!—
Восклицаемъ паки:
Мы попятимъ всѣ назадъ,
Намъ эмблема—раки!

Въ 37 губерніяхъ ловили „пропаганду“. То и дѣло, доносились слухи объ обыскахъ, арестахъ. Тюрьмы наполнялись общественными

и государственными врагами, въ которыхъ общество видѣло самоотверженныхъ мечтателей, утопистовъ, провозвѣстниковъ свободы и новой жизни, новаго общаго счастья.

Въ международной жизни тоже было душно, туманно. Едва не повторилась страшная истребительная война между двумя великими государствами. Желѣзный канцлеръ и молчаливый Мольтке находили, что они обсчитались, недостаточно обообрали Францію; передовой, свободолюбивый народъ слѣдовало-де добить, чтобы ему и впредь было неповадно тревожить имперію Гогенцолерновъ, которые, забывъ наполеоновскій разгромъ, „никого не боятся, кромѣ Бога“. Вмѣшательство Государя Александра II-го остановило грозу; но мрачныя тучи носились еще надъ Европой. Рѣзкія потрясенія и крупныя перевороты совершенно измѣнили прежніе устои стараго свѣта, а новые порядки еще не окрѣпли. Застарѣлыя язвы Балканскаго полуострова снова раскрылись, и ими, попрежнему, готовы были воспользоваться „великія державы“, чтобы посчитаться между собою.

У дипломатическихъ хирурговъ восточный „больной человѣкъ“ всегда былъ въ запасѣ, чтобы создать необходимость какой-нибудь сложной, опасной операціи.

Такъ и случилось къ концу лѣта. Въ парижскихъ газетахъ появилось письмо сербскаго митрополита Михаила. Онъ зывалъ къ человѣколюбію и справедливости просвѣщенныхъ народовъ. Въ Босніи и Герцеговинѣ свирѣпствовалъ голодъ, а съ голодомъ соперничали варварскія расправы турокъ. Митрополитъ Михаилъ молилъ о помощи. Дайте хотя кусокъ хлѣба голоднымъ, если не хотите освободить ихъ отъ азіатскаго ига въ Европѣ!..

Было что-то странное, недоговоренное въ воззваніи митрополита Михаила. Онъ былъ воспитанникъ Кіевской духовной академіи, считался сторонникомъ Россіи, искреннимъ приверженцемъ славянскаго единенія. Но заступаясь за угнетенныя, родственныя сербамъ народности, митрополитъ Михаилъ обращался не къ Россіи, а къ французскому народу. Мнѣ казалось, что достоинство Россіи, всѣ традиціи русской политики требуютъ особаго вниманія къ этому дѣлу. Съ другой стороны, наше внутреннее положеніе страдало такими недугами, что естественно было схватиться за малѣйшій поводъ къ освѣженію застоявшейся заразной атмосферы. Помочь бѣдствующимъ, заступиться за угнетаемыхъ... Мы сами оздоровѣмъ, станемъ лучше, добрѣе, если насъ тронетъ чужая бѣда.

Эти соображенія и мысли я изложилъ В. А. Бильбасову, который въ то время руководилъ „Голосомъ“, породнившись съ А. А. Краевскимъ. Затронутая мною тема была прекрасно извѣстна

Бильбасову. Его не надо было долго уговаривать. Первые ученые работы его были посвящены славянской исторіи. И Бильбасовъ, и престарѣлый издатель „Голоса“ были членами славянскаго комитета.

— Отлично,—отвѣтилъ мнѣ Бильбасовъ,—расшевелите славянский комитетъ... Позорно ему спать, когда даже въ Парижѣ дѣлаются пожертвованія въ пользу герцеговинцевъ,

Я и „пошевелилъ“ славянский комитетъ, въ ближайшемъ воскресномъ фельетонѣ. Пошевелилъ, должно быть убѣдительно; да и призывъ этотъ упалъ на подготовленную уже событіями почву. Освобожденный, возродившійся, послѣ долгаго застоя, русскій народъ давно уже хотѣлъ поразмять свои члены, испробовать молодые силы.

Стремленія къ самодѣятельности встрѣчали неодолимые преграды и препоны внутри, въ возобновлявшейся реакціи. Естественно было имъ найти исходъ въ сторонѣ „наименьшаго сопротивленія“. Десятки лѣтъ образованная часть русскаго общества говорила о европейскихъ дѣлахъ, вслѣдствіе вынужденнаго молчанія о своихъ. Мы знали, что дѣлается въ иностранныхъ парламентахъ, и переживали чужіе порывы къ свободѣ.

Въ 1875 году ловили и преслѣдовали, безъ разбора, за какую-нибудь соціалистическую книжку, за намекъ на конституцію; понятно, что молодое общество, чуткое къ всему самоотверженному, возвышенному,—съ пыломъ и безъ оглядки бросилось на помощь угнетеннымъ славянамъ. „Освобождая другихъ, мы сами освободимся, добьемся политическаго полноправія“.

Такъ говорило и чувствовало большинство молодежи.

Болѣе зрѣлые находили не бесполезнымъ противопоставить германскому единству славянскую сплоченность.

Въ воинственной части общества и въ обновленной арміи росло понятное желаніе наверстать утраченное въ Крымскую войну.

Когда совершаются важныя историческія событія, хорошія или дурныя,—всѣ условія, съ многоразличныхъ сторонъ, подталкиваютъ къ нимъ, какъ къ чему-то неизбежному. Такъ было и въ условіяхъ, вовлекшихъ Россію въ новую „восточную войну“, какъ называли у насъ, слѣдую европейской терминологіи, наши распри съ Турціей.

Общее собраніе славянскаго комитета состоялось ранѣе обыкновеннаго и было многолюднѣе всѣхъ прежнихъ. Всѣ „текуція“ и „очередныя дѣла“ были отброшены. Никто ими не интересовался. Вниманіе всѣхъ и каждого сосредоточилось на воззваніи митрополита Михаила, на событіяхъ Балканскаго полуострова.

Профессоръ Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ, съ свойственной ему

горячностью, произнесъ рѣчь объ обязанности не только славянскаго комитета, но и всей Россіи оказать помощь славянамъ. Онъ благодарилъ меня и печать, прервавшую нашу обычную лѣтнюю спячку, и выразилъ увѣренность, что пожертвованія польются широкой рѣкой.

Я настаивалъ, чтобъ славянскій комитетъ показалъ примѣръ и отдалъ немедленно всѣ свои наличныя средства, въ счетъ будущихъ пожертвованій.

Оказалось, что всѣ богатства злосчастнаго комитета не превышали 15.000 рублей, изъ которыхъ надо было производить кое-какія обязательныя пособія. Рѣшено было отослать къ митрополиту Михаилу 3.000 рублей, испросить разрѣшеніе правительства на сборъ пожертвованій и просить газеты печатать воззванія и поддерживать этотъ сборъ. Настроеніе было „приподнятое“, какъ говорятъ о подобныхъ собраніяхъ.

Какъ водится, возникли колебанія, сомнѣнія, нерѣшительность. Въ правительственныхъ сферахъ и въ рядахъ нашей дипломатіи смотрѣли довольно косо на возгоравшееся движеніе, уже потому, что оно было общественное. Искусственность, наносность его сказывалась и въ томъ, что мы ровно ничего не знали о славянахъ и о дѣйствительномъ положеніи дѣла на Балканскомъ полуостровѣ. Славянофильскіе вожди и „слависты“ были освѣдомлены не лучше другихъ. Почти всѣ свѣдѣнія ограничивались данными, содержащимися въ письмѣ сербскаго митрополита. Иныя газеты называли Герцеговину—„Жерзеговиной“, какъ писали и выговаривали французы. Болгаръ мы называли нищими, довѣряя воззваніямъ славянофиловъ, а сербы казались непобѣдимыми героями, ждущими только одобренія, чтобы въ пухъ и прахъ разбить Турцію. Были, конечно, и болѣе трезвые голоса, указывавшіе, что у насъ имѣются свои герцеговинцы, страдающіе отъ голода и безправія; но господствовавшее настроеніе, при непривычкѣ къ терпимости чужаго мнѣнія, заглушало всѣ доводы и возраженія, направленные „противъ теченія“. О войнѣ не было еще и рѣчи осенью 1875 года; тѣмъ обязательнѣе казалась общественная помощь страдальцамъ, надъ которыми издѣвалось турецкое звѣрство.

Увлекаясь этимъ общественнымъ настроеніемъ, считая его оздоровительнымъ для нашей внутренней обломовщины и возрождавшихся язвъ крѣпостного быта, я горячо поддерживалъ сборъ пожертвованій въ пользу герцеговинцевъ. Я убѣждалъ, что, тронувшись чужой бѣдой, мы тѣмъ охотнѣе придемъ на помощь своимъ несчастнымъ. У добрыхъ людей средствъ хватить на всѣхъ. Европѣ постыдно сносить азіатское иго на своей территоріи, а Россія из-

давна считала своей прямой задачей защиту единовѣрныхъ народовъ.

Пожертвованія пошли успѣшно. Принимали ихъ всѣ редакціи, банки, даже казначейства. Производились сборы въ храмахъ, во время богослуженія. Вездѣ появились кружки. На улицахъ, въ ресторанахъ, даже въ частныхъ домахъ появлялись совершенно незнакомыя дамы, съ кружками на груди. Все это служило признакомъ, что обычные препятствія преодолены, что общественное настроеніе проникаетъ и въ „сферы“. Какъ и во время франко-прусской войны, утверждали, что въ Аничковомъ дворцѣ сочувствіе на сторонѣ Франціи, такъ и теперь молва приписывала молодому двору поддержку славянскаго движенія.

Зимой, когда это общественное настроеніе разгорѣлось, состоялся одинъ изъ обычныхъ въ то время „литературныхъ обѣдовъ“. Онъ былъ очень многолюденъ, съ участіемъ ученыхъ, нѣкоторыхъ артистовъ и дамъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ литературѣ. Если не ошибаюсь, я въ первый разъ увидѣлъ тогда молодую, начинавшую писательницу С. И. Смирнову, вышедшую замужъ за артиста Н. Ф. Сазонова. Эти обѣды назывались „большими“, и въ основѣ ихъ лежала безпартійность, сближеніе между различными лагерями. Конечно, главной задачей ихъ была „пища духовная“. Объ этихъ первообразахъ нашихъ „митинговъ“ будетъ рѣчь впереди. Въ данномъ же случаѣ ограничусь лишь указаніемъ, что обѣдъ былъ устроенъ въ существовавшемъ еще тогда клубѣ художниковъ, въ Троицкой улицѣ, въ домѣ Руадзе, впоследствии Павловой.

На обѣдѣ-митингѣ 1875 года предметомъ обсужденія было славянское освободительное движеніе. Живое участіе въ преніяхъ принималъ Ѳ. М. Достоевскій. Поэтому мнѣ и хочется припомнить этотъ обѣдъ.

Былъ поставленъ вопросъ: насколько расположенъ русскій народъ къ дѣлу освобожденія славянъ, и въ какой мѣрѣ Россія заинтересована въ этомъ движеніи? Если не ошибаюсь, я началъ съ изложенія своего мнѣнія. Чувствую до сихъ поръ, не смотря на знакомство съ Достоевскимъ, какъ тяготѣлъ на мнѣ пристальный, вдумчивый взоръ Ѳедора Михайловича, и какъ я боялся вызвать его неудовольствіе, задѣтъ какъ-нибудь его мнѣніе. Я съ нимъ часто расходился, какъ съ публицистомъ, но относился съ глубочайшимъ уваженіемъ къ его таланту и особенно къ прошлымъ, тяжкимъ страданіямъ, такъ тяжело отразившимся на его здоровьѣ и психикѣ. Онъ въ упоръ смотритъ на меня и стоитъ близко, не

далѣе двухъ шаговъ, среди образовавшагося кружка, а я стараюсь какъ можно мягче выразить, что по истинѣ говоря, основные счеты наши съ Турціей давно покончены. еще со временъ „очаковскихъ и покоренія Крыма“, но остаются историческія традиціи, Босфоръ и не столько славяне, сколько христіане подъ властью разбитой нами Турціи. „Усмирять“ турокъ мы привыкли, и по старой памяти это всегда было популярно у насъ, заступаться за христіанскія народности, за славянъ, грековъ, армянъ, грузинъ тоже благочестивое дѣло въ глазахъ русскаго народа. Если бы можно было завладѣть Царьградомъ и проливами безъ особыхъ жертвъ, было бы не дурно; но это задача рискованная и ее можно отлагать до болѣе благопріятныхъ условій. Славяне намъ мало знакомы, и мы интересовались ими, какъ и всѣми другими угнетенными народностями; но болѣе всего подъ давленіемъ германскаго объединенія.

Ө. М. Достоевскій терпѣливо слушалъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одобрительно кивалъ головой и, едва я умолкъ, сказалъ:

— Да, это почти, что такъ, много справедливаго... Но великій народъ не можетъ жить мелочной жизнью, только для своихъ домашнихъ дѣлъ... У Россіи двѣ великія задачи: христіанская православная и славянская...

И Достоевскій сталъ доказывать, что Россія никакъ не можетъ допустить международнаго, чужого заступничества за православіе и за славянъ. Европа загубить и ихъ, и это высокое дѣло, а Россія умалится, измѣнитъ самой себѣ, если усумнится въ своей миссіи, умоетъ руки, подобно Пилату. Существуютъ такія задачи, которыя не слѣдуетъ и невозможно дѣлать на рубли, на рыночныхъ счетахъ...

Въ дальнѣйшихъ преніяхъ я не принималъ участія, но убѣдился, что общее настроеніе зашло уже далеко, не только въ ширь, но и въ глубь. Въ воздухѣ слышалось мистическая струя, раздавались уже призывные звуки военной трубы. Запахло кровью.

Весной 1876 года воинственное настроеніе было въ полномъ разгарѣ. Появилось „Новое Время“ (въ обновленномъ видѣ, послѣ неудачныхъ находеній въ другихъ рукахъ) и разомъ взяло самый рѣзкій, воинственный тонъ.

Всѣ несогласные обвинялись въ туркофильствѣ и измѣнѣ отечеству. Появленіе неославянофиловъ и новыхъ „патріотовъ своего отечества“ было тѣмъ неожиданнѣе, что воинственность эта барабанила и трезвонила перьями вчерашнихъ либераловъ, главнѣйшихъ сотрудниковъ и ближайшихъ друзей В. Ф. Корша, загубившихъ его газету.

Теперь, съ подкожнымъ жаромъ и рвеніемъ неофитовъ, проповѣдывали они то, что осмѣивали и отрицали нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ чужой газетѣ. Общественное мнѣніе сбивалось съ толку и путалось, какъ въ извѣстномъ пушкинскомъ анекдотѣ. Съ запада являлось то, что прежде исходило съ востока. „Удивленные народы не знали, что начать: ложиться спать или вставать?“..

По старой привычкѣ, большинство держалось еще „Голоса“, какъ солидной и освѣдомленной газеты, богатой публицистическими силами, извѣстіями, объявленіями и „покойниками“... Они, „покойники“, всегда имѣли большое значеніе въ успѣхѣ и распространѣніи газеты... Перевѣсъ былъ еще въ „Голосѣ“. Но скоро значительная часть читателей другихъ изданій хлынула въ новую, бойкую, веселую и воинственную газету, „попавшую въ тонъ“ въ господствующее настроеніе. „Голосъ“ сталъ именовать ее „неудобоназываемой“, но газета А. А. Краевского, вмѣстѣ съ другими прогрессивными изданіями, погибла, подъ давленіемъ административнаго произвола, лѣтъ черезъ шесть, а читатели, объявленія съ „покойниками“ перешли въ „Новое Время“, благополучно здравствующее и теперь.

Къ веснѣ 1876 года и въ славянскомъ комитетѣ произошли крупныя перемѣны. Гильфердинга давно не было уже въ живыхъ. Полумертвыя засѣданія о пустякахъ, съ крохотными, разбросанными пособіями, болѣе раздражавшими австрійское правительство, нежели „возрадовавшими“ славянъ, — смѣнились оживленными собраніями, главное вниманіе которыхъ приковано было балканскими событіями. Предсѣдателемъ былъ Иванъ Петровичъ Корниловъ, братъ извѣстнаго севастопольскаго адмирала и Ѳедора Петровича Корнилова, управлявшаго дѣлами комитета министровъ; сколько извѣстно, никто изъ этихъ трехъ братьевъ не оставилъ потомства; а между тѣмъ всѣ они были замѣчательными людьми и дѣятелями, каждый въ своей сферѣ. Иванъ Петровичъ Корниловъ былъ добрейшій человекъ, миролюбивый, прямой, чуждый всякихъ интригъ. Болѣе всего онъ былъ преданъ народному просвѣщенію и считалъ, что дѣло это превышаетъ всѣхъ другихъ, что помимо хорошей народной школы нельзя обойтись ни во внутреннихъ, ни во внѣшнихъ политическихъ и общественныхъ задачахъ.

Нѣкоторое время Корниловъ былъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Онъ много сдѣлалъ для изученія этого края, для правильной постановки школъ, для образованія и поддержки хорошихъ учителей. Реакція и торжество тогдашней политики выжили И. П. Корнилова изъ Вильны. Вернувшись въ Петербургъ,

онъ былъ членомъ Совѣта министерства народнаго просвѣщенія и почетнымъ опекуномъ, завѣдывавшимъ Гатчинскимъ институтомъ. По субботамъ у И. П. Корнилова собирався кружокъ людей, преданныхъ славянской идеѣ, русскому дѣлу, просвѣщенію народа и мирному, безостановочному внутреннему развитію. при дружномъ единеніи правительственныхъ и общественныхъ силъ.

И. П. Корниловъ отличался необычайной разсѣянностью. Безчисленные анекдоты рассказывались о самыхъ уморительныхъ случаяхъ, возникавшихъ вслѣдствіе разсѣянности Корнилова и съ нимъ самимъ, и съ его знакомыми. Ему случалось приглашать къ себѣ на обѣдъ и уѣзжать обѣдать къ другимъ, перепутывать дни и т. п. Разъ пріѣзжаетъ онъ ко мнѣ и жалуется на В. И. Ламанскаго, извѣстнаго профессора-слависта. Это не возможный-де человѣкъ, горячности его нѣтъ предѣловъ, придется оставить славянскій комитетъ.

Ламанскій даже ругается „дуракомъ“, въ глаза, при всѣхъ, называетъ.—рассказывалъ Корниловъ, добродушно улыбаясь, безъ малѣйшаго озлобленія. Я переспрашиваю, какъ это случилось, и Иванъ Петровичъ поясняетъ, что В. И. Ламанскій, оспаривая мнѣніе или распоряженіе Корнилова, заявилъ, что у насъ всѣ глупѣютъ, становятся дураками, какъ только получаютъ генеральскій чинъ.

— Чѣмъ же я виноватъ, что меня произвели въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Ну и Ламанскаго произведутъ когда-нибудь, значить, и онъ въ дураки попадетъ?

— Иванъ Петровичъ, вы уже тайный совѣтникъ.

— Ну, вотъ, видите... Можетъ быть я поумнѣлъ съ тѣхъ поръ... А Ламанскому надо еще пройти чрезъ первое производство въ дураки,—шутливо говорилъ Корниловъ, болѣе огорченный, нежели обиженный.

Онъ забывалъ свой чинъ, но не забылъ добродушно отомстить Ламанскому, когда онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Корниловъ, въ присутствіи многихъ, знавшихъ этотъ случай, припомнилъ мнѣніе Ламанскаго о генералахъ и выразилъ сожалѣніе, что „ихъ полку прибыло“.

— Поздравляю, поздравляю съ отличіемъ, но очень сожалѣю, если ваше мнѣніе о генералахъ подтвердится и въ данномъ случаѣ,—если однимъ умнымъ человѣкомъ станетъ меньше...

Въ другой разъ, Корниловъ пріѣхалъ ко мнѣ „на минутку“ и просидѣлъ часа два, вспоминая, о чемъ ему надо было переговорить со мной. Наконецъ, прощаясь и надѣвая шубу, онъ случайно

нащупалъ въ карманѣ свою брошюру по школьному вопросу и про-сѣялъ. Это и было то „дѣло“, по поводу котораго онъ заѣхалъ ко мнѣ.

— Прочтите и поддержите, если будете согласны,—сказалъ Корниловъ, и съ полчаса еще объяснялся въ передней.

При немъ Славянскій комитетъ оживился; но Корниловъ былъ чуждъ всякой воинственности и не желалъ выходить изъ предѣловъ мирной общественной дѣятельности. Онъ отказался отъ предсѣдательства, и на его мѣсто былъ избранъ князь А. И. Васильчиковъ.

Авторъ извѣстнаго сочиненія о самоуправленіи, князь А. И. Васильчиковъ пользовался большимъ уваженіемъ, и избраніе его являлось признакомъ укрѣпленія прогрессивнаго движенія. Никто не подозрѣвалъ славянофильства въ новомъ предсѣдателѣ Славянскаго комитета, но многіе хотѣли думать, что въ данномъ случаѣ торжествуетъ сознаніе, что, „освобождая другихъ, мы и сами добъемся свободы“.

Пожертвованія росли; былъ изданъ литературный сборникъ „Братская помощь“, разошедшійся быстро и принесшій нѣсколько тысячъ. Славянскій комитетъ превратился въ вербовщика, въ маленькое общественное министерство военныхъ и интендантскихъ дѣлъ. Снаряжали и отправляли въ Сербію добровольцевъ. Градоначальникъ Ѳ. Ѳ. Треповъ, какъ передавали, выражалъ удовольствіе, что благодаря Славянскому комитету Вяземская лавра и другіе ночлежные дома очищаются отъ „золоторотцевъ“ и „босогой команды“. Но за Дунай направлялись не только люди, не знавшіе, куда дѣваться, и отвыкшіе отъ труда, но и добровольцы высшаго разряда, дѣйствительно воодушевленные освободительной идеей. Иные приходили ко мнѣ прощаться, передъ отъѣздомъ въ Бѣлградъ. Молодой, красивый, рослый Кирѣевъ тоже захотѣлъ доказать, что у русскихъ слово не расходится съ дѣломъ. Онъ первый и палъ отъ турецкой пули въ какой-то ничтожной, пограничной схваткѣ. Другіе не такъ были щепетильны; сами не шли, ограничиваясь посылкой „пушечнаго мяса“.

Воинственное увлеченіе все болѣе и долѣе разгоралось. Подкрѣпляли сербовъ не только рядовыми, но и офицерами. Многіе выходили въ отставку и ѣхали погибать въ Сербію.

Скоро сочли нужнымъ осчастливить нашихъ добровольцевъ и сербскую армію и высшихъ военнымъ начальствомъ. Составился добровольческій штабъ, и надъ всѣмъ этимъ случайнымъ воинст-

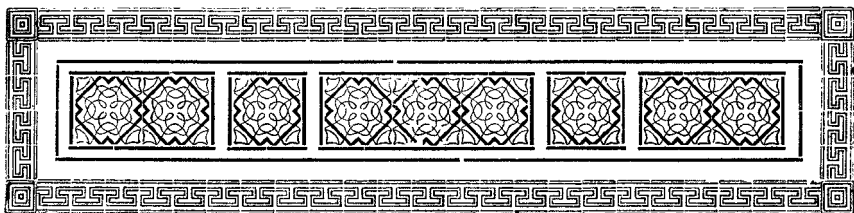
вомъ появился „вождь славянской рати“, заранѣ прославленный герой, генераль не у дѣлъ М. Г. Черняевъ.

Онъ издавалъ газету „Русскій Міръ“, въ которой воевалъ съ Д. А. Милютинымъ и со всѣми преобразованіями. Теперь его возвели въ „архистратига“ и освободителя славянъ. Турокъ, въ кредитъ, закидывали шапками. Старые грѣхи возрождались.

Г. Градовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ минувшаго.

(Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.) ¹⁾.

XIV.

Литературные обѣды.

Общественные обѣды, какъ средство общенія и умственного обмѣна.—Литературные обѣды.—Вопросъ о предѣлахъ полемики.—Мнѣніе Д. И. Менделѣева.—Неудачная коммиссія.—Чествованіе И. С. Тургенева и столкновеніе его съ Ѳ. М. Достоевскимъ.—Юбилейные обѣды.—Попытки помянуть законъ 1865 г. о свободѣ печати.—Чествованіе Д. В. Григоровича, А. Н. Плещеева и А. М. Скабичевскаго.

Въ числу нашихъ общественныхъ, бытовыхъ, отчасти даже политическихъ учрежденій, принадлежатъ обѣды. Въ составъ многихъ торжествъ, не исключая церковныхъ и придворныхъ, обязательно входитъ болѣе или менѣе людная и обильная трапеза. Такъ ведется издавна. Крестины, свадьбы и похороны не обходятся безъ обязательныхъ угощеній во всѣхъ слояхъ народа. Князя Владиміра иначе не изображаютъ въ былинахъ и пѣсняхъ, какъ среди широкаго гостепріимнаго пира.

Народныя сказки кончаются присказкой. „И я тамъ былъ, пиво, медъ пилъ“... Главнѣйшіе религіозные праздники отличаются особыми яствами. На Спаса освящаются яблоки и медъ. Подъ Рождество, какъ засіяютъ звѣзды, подаются постные пироги, кутья и взваръ изъ сушеныхъ плодовъ. Свѣтлый праздникъ знаменуется розговинами, краснымъ яичкомъ, куличами.

Свѣтлое воскресенье даже именуется Пасхой. Обряды коронованія не обходятся безъ торжественнаго обѣда и здравіцъ. Тяжеловѣсный пирогъ входитъ въ чествованіе именинниковъ. Блины ѣдятъ не только въ дни масленицы, но и въ память покойниковъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1908 г.

Военные праздники, начиная съ георгіевской годовщины и кончая полковыми, послѣ молебна и парада, завершаются обѣдами, за которыми не одна чарочна осушается. Древніе, громадныя кубки и сохранившіяся до сихъ поръ братины свидѣтельствуютъ о дружествѣ и сердечныхъ изліяніяхъ за пиршествомъ, когда отъ избытка чувствъ уста глаголятъ. Угостить бѣдныхъ въ поминальные дни считалось обязательнымъ. Всѣ юбилейныя чествованія въ рѣдкихъ случаяхъ обходятся безъ параднаго обѣда и искристаго вина. Вѣсковое радушіе всегда выражалось въ особой заботливости хозяевъ, чтобы родные и гости были угощены какъ можно лучше. Что въ печи, все на столъ мечи!

Чиновникамъ давали „на гуся“. Сквозники-Дмухановскіе сами брали потребный для нихъ „черносливъ“ или сахаръ, о чемъ и теперь можно справиться въ „Ревизорѣ“. Обѣды были нашими митингами. Когда они устраивались въ честь начальства, на нихъ льстили и обманывали, но въ другихъ случаяхъ они давали просторъ мнѣніямъ; за ѣдой и тостами развязывались языки, нарушалось установленное для обывателей молчаніе. *In vino veritas!*. Истина на днѣ стакана. Недаромъ, устроители и хранители нашихъ „свободъ“ насторожились противъ обѣденныхъ собраній.

Изъ всѣхъ общественныхъ обѣдовъ, получившихъ болѣе или менѣе постоянное устройство (во второй половинѣ прошлаго вѣка) можно назвать обѣды университетскіе, экономическіе и литературные. Изъ первыхъ образовались общества вспомошествованія бывшимъ студентамъ; вторые привели къ учрежденію „Собранія экономистовъ“, гдѣ, кажется, болѣе играютъ въ карты, нежели занимаются экономикой. О литературныхъ обѣдахъ было уже упомянуто въ этихъ „Воспоминаніяхъ“, по поводу славянскаго движенія.

Основной задачей большихъ литературныхъ обѣдовъ, помимо обсужденія тѣхъ или другихъ политическихъ вопросовъ, служила потребность въ сближеніи издателей, редакторовъ и писателей, ради улучшенія взаимныхъ отношеній и поднятія нравственнаго и умственнаго уровня печати. Многіе враждовали, не имѣя понятія другъ о другѣ; иные замыкались въ узкіе, редакціонныя кружки, не имѣвшіе ничего общаго съ политической или соціальной партійностью; обособлялись и самоопредѣлялись просто на почвѣ низменнаго соперничества и издательской наживы. Журнальная перебранка заходила иной разъ за предѣлы самыхъ обыденныхъ приличій, не говоря уже о булгаринскихъ пріемахъ, клеветѣ и доносахъ, прямая цѣль которыхъ заключалась въ желаніи вызвать запрещеніе соперничающаго изданія.

Послѣ „освободительной войны“ и съ развитіемъ реакціи уси-

лился спросъ на доносы и обвиненія во всяческихъ измѣнахъ, потрясеніяхъ и неблагонадежностяхъ. Неприличная, безстыдная полемика, пропитанная самой наглою ложью и извѣтами, обратилась въ спеціальность иныхъ газетъ. На одномъ изъ большихъ обѣдовъ естественно возникъ вопросъ „о предѣлахъ литературной полемики“. Преңія не только были поставлены наэтическую почву, но и касались тѣхъ государственныхъ и общественныхъ интересовъ, которымъ служить печать. Очень хорошо помню, что въ обсужденіи этого вопроса принималъ горячее участіе профессоръ Д. И. Менделѣевъ. Я тогда впервые увидѣлъ этого замѣчательнаго человѣка. Наружность его привлекала и разомъ запечатлѣвалась въ памяти. Въ немъ было что-то, напоминавшее средневѣковыхъ астрологовъ или алхимиковъ, добывавшихъ жизненный элексиръ. Открытый, умный лобъ, проницательные глаза и крепированныи, свѣтлыя кудри до плечъ, какъ сіянье, придававшія головѣ поэтический обликъ. Съ понятнымъ вниманіемъ, всѣ прислушивались къ мнѣнію знаменитаго химика, стяжавшаго себѣ всемірную славу. Д. И. Менделѣевъ заявилъ, что горячее, увлекательное, даже рѣзкое слово вполне уместно въ журналистикѣ, особенно въ ежедневной, летучей газетѣ, гдѣ пишется наскоро, подъ первымъ впечатлѣніемъ. Спорять до слезъ и даже бранятся иногда въ ученыхъ изданіяхъ и обществахъ; кипятятся и ожесточаются въ парламентахъ, хотя это и не считается „парламентарнымъ“.

Во имя свободы обсужденія и правды, нельзя налагать узду на полемическое слово въ политической печати.

Газеты не изрекаютъ и не могутъ вѣщать только непреложныя истины и безповоротныя рѣшенія. Журналистика представляетъ лишь широкое поле для выясненія дѣйствительности, установленія истины и для выработки здравыхъ мнѣній и справедливыхъ рѣшеній. Во время этого гласнаго процесса весьма естественно возникаютъ сомнѣнія, ошибки, увлеченія, тѣ или другія односторонности.

Читатели, общество, правящія сферы должны свыкаться съ процессомъ выработки общественнаго мнѣнія и понимать условность и всѣ трудности печатнаго слова. Самыя точныя изысканія науки оказываются очень часто временными выводами и затѣмъ дополняются или вполнѣ перерабатываются. Сама философія создаетъ одну систему за другой; проходятъ вѣка, а человѣчество все еще допытывается: „что есть истина?“ Все это понятно и вполне свойственно нашему знанію, при всемъ его развитіи. Тѣмъ болѣе необходимо терпѣть тѣ или другія несовершенства печати, во имя той пользы, которую она приноситъ, расширяя наше зрѣ-

ніе и слухъ, поддерживая умственную жизнь, проникая къ нашему сердцу. Полемики, споровъ избѣжать нельзя и не слѣдуетъ.

Изъ этихъ столкновѣній рождается истина, и создается всякое дѣло. Но вотъ что вредно, возмутительно... Досадно, когда возьмешь газету и изо дня въ день не видишь въ ней ничего, кромѣ лжи, брани и клеветы, безъ всякаго намека даже, для чего выливаются ушаты этихъ помоевъ... Позорно, отвратительно, когда за перебранкой не видно сколько-нибудь уважительнаго повода или вопроса, а вся эта грязь и гаерство сводятся къ лакейству, къ ремесленности, къ издательской наживѣ, путемъ скандала и угодливости самымъ низменнымъ страстямъ уличной черни.

Такія соображенія высказалъ Д. И. Менделѣевъ и его мнѣніе произвело тѣмъ большее впечатлѣніе, что въ то время знаменитый химикъ не снисходилъ еще до услужливости крайностямъ протекціоннаго тарифа.

Такъ или иначе, но было единодушно рѣшено избрать комиссію для разработки вопроса о предѣлахъ литературной полемики, съ цѣлью устранить ея излишества, подрывающія задачи и призваніе печати, уваженіе къ ней общества. Такъ какъ были случаи вызова на дуэль и даже кулачныхъ расправъ, то комиссіи было поручено выработать правила „суда чести“, для предупрежденія подобныхъ явленій, а равно и „судебныхъ волокитъ“, прибѣгать къ которымъ, вообще, считалось неприличнымъ для литературной среды.

Въ комиссію эту были избраны: профессоръ В. И. Модестовъ, П. Д. Боборыкинъ, М. И. Загуляевъ и я. Быть можетъ, еще кто-нибудь попалъ въ нее, но я теперь не помню.

Обсужденіе вопроса о предѣлахъ полемики и избраніе комиссіи вызвало цѣлую бурю среди тѣхъ газетъ, которыя такъ удачно были опредѣлены Д. И. Менделѣевымъ. Узнавшія себя газеты вообразили, что дѣло идетъ не объ общихъ интересахъ печати, а спеціально направлено противъ нихъ, противъ ихъ шумнаго, уличнаго успѣха. Онѣ боялись, что не станетъ основы ихъ существованія, если ложь, брань, клевета и доносы будутъ изгнаны изъ печати. Весь этотъ вопросъ онѣ превратили въ покушеніе на свободу печати, которую онѣ отрицали для всѣхъ либеральныхъ направленій, но признавали для своихъ пресмыкательныхъ надобностей. Литературные обѣды выставались въ видѣ незаконныхъ и злоумышленныхъ сборищъ, а избранную комиссію и ея членовъ стали обзывать „литературными будочниками“. Разнузданные Булгарины дѣйствовали на два фронта.

Передъ правительствомъ обѣды обрисовывались въ видѣ опасныхъ „сообществъ“, на которыхъ затѣваются „заговоры“ противъ узаконенной журналистики, истинно-русской, патріотической и всецѣло преданной престолу и отечеству; а передъ читателями неблагонадежные „заговорщики“ превратились въ „будочниковъ“, въ враговъ свободы печати!

Цѣль была достигнута. Общіе обѣды стали разстраиваться. Одни опасались на нихъ бывать, чтобъ не прослыть „заговорщиками“, другіе не желали встрѣчаться съ тѣми господами, которые завтра васъ оклеветаютъ, извратятъ ваши слова или даже негласно донесутъ, куда слѣдуетъ, о вашемъ яко бы „превратномъ образѣ мыслей“. Комиссія ни разу не собиралась. Отчасти это надо объяснить нѣкоторой робостью, нежеланіемъ прослыть врагами свободы слова: но, главнымъ образомъ, этотъ отрицательный исходъ благихъ намереній слѣдуетъ приписать сознанію бесплодности предстоявшей работы. Если вся реакціонная и уличная пресса отвиливаетъ, уклоняется отъ „суда чести“ и не понимаетъ умѣстности предѣловъ полемики, то для кого и для чего разрѣшать этотъ вопросъ? Лѣвая и вообще сколько нибудь порядочная часть печати не выходила изъ этическихъ границъ, не доносила, не подвергалась избіеніямъ и всегда готова была подчинять возможные недоразумѣнія третейскому суду. Въ упорядоченіи тутъ не было надобности; а „правая“, часть журналистики не могла отрѣшиться отъ своего жизненнаго ремесла и видѣла свой насущный кусокъ хлѣба какъ разъ въ томъ, что желательно было устранить, ради достоинства печати и важнѣйшихъ интересовъ государства и народа.

Такой же отрицательной участи подвергся въ 70-хъ годахъ и вопросъ объ улучшеніи отношеній между издателями и сотрудниками. П. Д. Боборыкинъ явился сторонникомъ письменныхъ договоровъ и нормальныхъ условій; но если подобные договоры силошъ и рядомъ нарушаются въ чисто матеріальныхъ отношеніяхъ между капиталистами и рабочими, между домовладѣльцами и квартирантами, между землевладѣльцами и земледѣльцами, — то можно ли полагаться на нихъ въ такой свободной профессіи, какъ литературная? Нельзя закабалить свой умственный трудъ и опредѣлить литературное творчество какими-нибудь цифрами. Самый выгодный договоръ можетъ превратиться въ такую нравственную пытку, при которой все бросишь, все потеряешь, лишь бы избавиться отъ непріятныхъ, невыносимыхъ сношеній. Людямъ приходится разставаться, даже не утрачивая уваженія другъ къ другу; никакой договоръ не удержится тамъ, гдѣ на дѣлѣ господствуетъ полный нравственный и умственный разрывъ.

Сколько я помню, послѣдній большой литературный обѣдъ въ Петербургѣ состоялся осенью 1880 года, съ спеціальной цѣлью — чествовать И. С. Тургенева. Но и на этомъ обѣдѣ произошло при-
скорбное столкновѣніе съ Ѳ. М. Достоевскимъ; когда онъ сталъ до-
пытывать у Тургенева, что тотъ хотѣлъ выразить своей отвѣтной
рѣчью? Всѣ поняли, что Тургеневъ, въ согласіи съ общественнымъ
настроєніемъ (послѣ пушкинскаго праздника), намекалъ на необхо-
димость конституціи; прекрасно понимая это и Достоевскій; но по-
тому-то онъ и набросился на Тургенева, какъ на своего литера-
турнаго и политическаго врага. Кое-какъ удалось замѣять это при-
скорбное столкновѣніе между двумя великими писателями; но на
другой день вся эта исторія, съ обычными прикрасами, была под-
хвачена въ „благонадежной“ газетѣ и литературному обѣду было
придано значеніе покушенія на существующій порядокъ и искон-
ныя „основы Россіи“. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Достоевскаго не
стало; а чрезъ три года скончался и Тургеневъ, среди такой реак-
ціи, которая быть можетъ могла бы примирить обоихъ писателей
въ желаніи такъ или иначе избавиться отъ ея пагубныхъ послѣд-
ствій.

Со времени эпизода на Тургеневскомъ обѣдѣ, еще болѣе убыло
число приверженцевъ литературныхъ обѣдовъ. Они не прекраща-
лись, но приняли иныя формы и получили особое развитіе въ 90-хъ
годахъ.

Вмѣсто общихъ обѣдовъ, образовались редакціонные. Надо было,
хотя разъ въ мѣсяцъ, оторваться отъ обычной работы, освѣжиться
въ общей бесѣдѣ, подышать нѣкоторой свободой, поднять свой
духъ, среди сѣрыхъ, безнадежныхъ будней застоя и хмураго про-
зябанія. На редакціонные обѣды „Новостей“ приглашались не одни
участники этой газеты, но и другія лица, которыя болѣе или ме-
нѣе были объективны, не засосались реакціей и не боялись со-
прикосновенія съ остатками задавленнаго либерализма. Въ числѣ
участниковъ этихъ ежемѣсячныхъ собраній можно назвать В. Д.
Спасовича, Н. С. Таганцева, В. И. Модестова, И. Е. Андреевскаго
(бывшаго ректора СПб. университета), М. И. Семевского, С. Н.
Шубинскаго, В. А. Полетику, Э. И. Пильца (редактора польской
газеты „Край“); извѣстныхъ педагоговъ — Я. Г. Гуревича, В. П.
Острогорскаго, В. Сиповскаго; артистовъ: И. Ѳ. Горбунова, В. П.
Далматова, М. И. Писарева и др. Большинство изъ нихъ давно
уже оставили насъ, не дождавшись новаго „освободительнаго дви-
женія“; но за то они избавились отъ тѣхъ бѣдъ, до которыхъ до-
вела насъ многолѣтняя реакція. Устраивались и другіе редакціон-
ные обѣды, но они были болѣе замкнуты и на нихъ нельзя или

неудобно было попасть „чужому“. Умственной пищей означенныхъ обѣдовъ, обыкновенно, служили текущія событія, о которыхъ нельзя было открыто или свободно говорить въ печати.

Для примѣра, можно указать катастрофу въ Боркахъ и религіозныя преслѣдованія въ С.-З. краѣ, разрывъ съ Болгаріей, смерть императора Вильгельма I и тѣ надежды на либеральное направленіе въ Германіи, которыя были связаны съ кратковременнымъ царствованіемъ Фридриха. Бывали и самые невинные предметы для бесѣдъ, но поводу тѣхъ или другихъ картинъ на художественной выставкѣ или какой-нибудь новой пьесы. На тѣхъ же обѣдахъ мнѣ удалось возродить мысль о литературной взаимопомощи и завербовать нѣсколько десятковъ первыхъ участниковъ новаго учрежденія.

Въ 1890 году, 6 апрѣля, наступила 25-ая годовщина изданія закона о печати, уничтожившаго предварительную цензуру для нѣкоторыхъ книгъ и части столичной журналистики. Возникла мысль о чествованіи этого событія. Желательно было напомнить, съ какими радужными ожиданіями привѣтствовалась свобода печати, какія восторженныя статьи помѣстили тогда И. С. Аксаковъ и даже М. Н. Катковъ. Освобожденная печать вызвала у Некрасова пѣлый циклъ прелестнѣйшихъ, колкихъ стихотвореній, ярко изображавшихъ невзгоды и страданія подцензурныхъ временъ и тѣ холопскія и крѣпостническія опасенія, которыя были созданы обличительнымъ направленіемъ и нѣсколько приподнятымъ тономъ „свободной прессы“.

— Баста ходить по цензурѣ!
Ослобонилась печать,
Авторы наши въ натурѣ
Стали статейки пущать.
Къ нимъ да къ редактору нынѣ
Только и носимъ статьи..
Словно повысились въ чинѣ,
Ожили дѣтки мои!

Но и ту жалкую долю свободы, которая установлена была закономъ 1865 года, подорвала реакція, уничтожили „временныя правила“ и произволъ разныхъ Побѣдоносцевыхъ и ихъ ставленниковъ. Напоминаніе того, что было и что стало съ свободой мысли и слова, указаніе на число загубленныхъ изданій служили бы явнымъ укоромъ для тѣхъ „торжествующихъ“, которые весело и откровенно содѣйствовали разгрому либеральной печати. Возгорѣлась полемика, среди которой многихъ поразило неожиданное появленіе письма Н. К. Михайловскаго. Онъ печатно отказывался отъ участія въ юбилейной комиссіи, заявляя, что положеніе печати въ такой степени *печально*, что не можетъ быть и рѣчи о

празднествъ. Печаль Н. К. Михайловскаго, конечно, была весьма „радикальная“; но она сильно подкрѣпила реакціонное „противленіе“ юбилею. Скоро это противленіе нашло еще одного союзника. Послѣдовало распоряженіе о запрещеніи предположеннаго чествованія свободы печати. Въ провинціальныхъ газетахъ и губернскихъ вѣдомостяхъ, по всей Руси Великой, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ печатался циркуляръ о недопущеніи празднованія юбилея печати, если бъ избранныя въ Петербургѣ лица вздумали прибыть въ тѣ или другія захоластья и взбодоражить мѣстное населеніе столь превратной мыслью. День 6-го апрѣля 1890 года прошелъ сѣро, незамѣтно; печать осталась при прежнемъ „пиковомъ интересѣ“, а Н. К. Михайловскій, при всей своей грусти, могъ еще болѣе опечалиться, что его отказъ нашелъ столь вліятельную поддержку и въ реакціонной журналистикѣ, и въ полицейскомъ запрещеніи. Крайности сошлись и въ данномъ случаѣ. „Русское Богатство“, впрочемъ, не принадлежало къ „свободной печати“ и издавалось подъ цензурой... Журналъ Н. К. Михайловскаго могъ и не спѣшить къ той свободѣ, которая такъ дорого обходилась другимъ изданіямъ.

Весь этотъ эпизодъ, совмѣстно съ смѣхотворнымъ страхомъ, обнаруженнымъ въ указанномъ циркулярѣ, заслуживаетъ виднаго мѣста въ исторіи нашей цензуры и печати. Надо ли пояснять, что никто и не думалъ посылать по Россіи какихъ-то странствующихъ подстрекателей къ чествованію закона 6-го апрѣля 1865 года. Полицейское запрещеніе представляло обычное полицейское переусердіе, равносильное бездѣйствію и неумѣлости въ сколько-нибудь важныхъ случаяхъ огражденія общественной безопасности.

Вообще характерно, что съ наростаніемъ реакціи, общія литературныя чествованія всегда встрѣчали противодѣйствіе съ крайнихъ фланговъ. Въ январѣ 1887 года, не безъ труда и полемики удалось устроить поминки Пушкина, по случаю пятидесятилѣтія его кончины. Была панихида въ Казанскомъ соборѣ; другую, по почину земства, отслужили на мѣстѣ дуэли великаго поэта. Вечеромъ состоялся обѣдъ; но для Петербурга не особенно многолюдный. Многіе были сбиты съ толку дикой полемикой. Послѣ обѣда, впервые мы слышали „мелодекламацію“ молодого, талантливаго композитора Лишина, вскорѣ унесеннаго смертью; но его „мелодекламація“ очень привилась и расширилась съ тѣхъ поръ.

Еще бѣднѣе прошла 50-лѣтняя годовщина смерти М. Ю. Лермонтова, 15 іюля 1901 г. Духовенство Казанскаго собора не хотѣло служить панихиды. Я ѣздилъ въ лавру, и митрополитъ Исидоръ,—выслушавъ мое объясненіе,—далъ словесное разрѣшеніе.

Паннихида была отслужена; но лѣтнее время, пустота столицы не содѣйствовали многолюдству этихъ поминокъ. Любители всякихъ скандаловъ и разладицъ пустили въ ходъ нелѣпый доводъ, будто и не пригоже „праздновать“ такія печальныя событія, какъ смерть великихъ людей. Празднуя дни рожденія, эти почитатели, какъ видно, забываютъ о томъ, что чествуемыхъ уже нѣтъ и что рожденіе ведетъ къ кончинѣ, а смерть для великихъ людей является началомъ безсмертія, вѣчности. Не младенцевъ же, а дѣятельность и заслуги взрослыхъ чествуютъ.

Юбилейныя чествованія живыхъ представителей литературы не встрѣчали подобныхъ опасеній и препонъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ обходили. Несмотря на „печали“, вызываемыя тягостнымъ положеніемъ печати, въ 80—90 годахъ были отпразднованы болѣе или менѣе широко и удачно юбилеи: А. Н. Плещеева, В. П. Острогорскаго, П. И. Вейнберга, А. А. Потѣхина, Д. В. Григоровича, А. И. Поповицкаго, Д. Л. Мордовцева, П. Д. Боборыкина, А. М. Скабичевского и К. М. Станюковича. Всѣ эти юбилеи были свѣтлыми явленіями послѣднихъ двухъ десятилѣтій минувшаго вѣка. Нѣкоторые изъ нихъ были самыми сердечными; другіе носили нѣсколько сухой, оффиціозный характеръ. Около однихъ юбиларовъ собирався довольно тѣсный кружокъ почитателей, тогда какъ другіе были многолюднѣе и привлекали пестрый составъ участниковъ; но все же пріятно было на нихъ встрѣтиться даже и съ партійными врагами, во имя тѣхъ умственныхъ и художественныхъ вкладовъ, которые каждый изъ юбиляровъ внесъ въ русскую литературу.

Д. В. Григоровичъ во время юбилейнаго обѣда сидѣлъ въ пожалованной ему лентѣ Станислава, рядомъ съ С. Ю. Витте. Онъ пережилъ свою литературную извѣстность и въ послѣдніе годы своей жизни не отличался устойчивостью взглядовъ. У него были друзья справа и почитатели прошлой дѣятельности слѣва. Бюрократія награждала его, какъ устроителя художественно-промышленнаго музея; литературная же среда помнила въ немъ друга Тургенева и человѣколюбиваго писателя. Д. В. Григоровичъ былъ занимательнымъ собесѣдникомъ; онъ не любилъ спорить и очень часто соглашался съ самыми противоположными мнѣніями. Къ этимъ противорѣчіямъ всѣ привыкли. Во всякомъ случаѣ, если Григоровичъ и не страдалъ отъ общей литературной невзгоды, то и не запятналъ себя раболопствомъ передъ Побѣдоносцевымъ и ему подобными „столпами“ реакціи.

Самое лучшее впечатлѣніе оставилъ юбилей А. Н. Плещеева. Отчасти и онъ былъ уже изъ „бывшихъ“; творчество его принад-

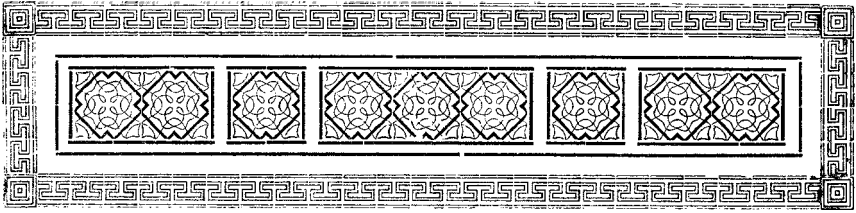
лежало прошлому; но въ немъ чествовали одного изъ пострадавшихъ въ сороковые годы, непремѣннаго участника благотворительныхъ чтеній и добрейшаго покровителя всѣхъ молодыхъ талантовъ. Кажется, ни на одномъ юбилей не участвовало столько дамъ, сколько было ихъ на обѣдѣ въ честь А. Н. Плещеева. Женское сердце чутко отнеслось къ маститому поэту, отличавшемуся необычайнымъ добродушіемъ и звавшему „впередъ“... Остальные юбилеи, изъ числа поименованныхъ, носили болѣе частный и партійный характеръ. Особой оживленностью и искренностью отличался юбилей А. М. Скабичевского. Въ немъ чествовали идейнаго, стойкаго, прогрессивнаго критика. На этомъ юбилей мы имѣли удовольствіе видѣть Г. И. Успенскаго, во время временнаго улучшения его ужаснаго недуга. До сихъ поръ не могу забыть его добрыхъ, какъ-бы умоляющихъ глазъ и сильнаго, почти судорожнаго пожатія руки... Больше никогда уже не видѣли среди общественнаго собранія знаменитаго писателя-народника. Мрачная завѣса опять опустилась надъ нимъ. Лучше смерть, нежели этотъ ужасный недугъ!

Весной 1897 года, на одномъ изъ очередныхъ обѣдовъ, В. Д. Спасовичъ, В. П. Острогорскій и я подписали заявленіе въ комитетъ „Литературнаго Фонда“ объ образованіи подготовительной комиссіи для возможно болѣе торжественнаго чествованія пятидесятой годовщины безсмертной славы В. Г. Бѣлинскаго (въ маѣ 1898 года) и перехода его сочиненій въ общее достояніе. Мнѣ не пришлось уже участвовать въ этомъ чествованіи... И меня сразилъ, выбилъ изъ жизни злой недугъ.

Г. Градовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ минувшаго.

(Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.) ¹⁾.

XVI.

У литературныхъ могилъ.

Торжественныя похороны Достоевскаго, Тургенева, Кавелина, Костомарова, Салтыкова (Щедрина) и Шелгунова. — Открытіе памятника Некрасову. — Умогила В. Ѳ. Корша.

Ѣ числу нашихъ „литературныхъ учреждений“, по всей справедливости, надо отнести похороны и панихиды. Но и этого рода собранія и поминки не сразу удалось завоевать русскимъ писателямъ, и не всегда сходили они благополучно.

Извѣстно, что останки Пушкина были „изъяты“ ночью изъ Конюшенной перкви и тайно увезены для погребенія въ Псковской губерніи. Даже родныхъ не было на погребеніи великаго поэта.

Въ началѣ вѣка ссылали его живого; въ концѣ концовъ, сослали и мертваго.

Лермонтова извели въ 27 лѣтъ, въ кавказской ссылкѣ, и похоронили въ глуши. Въ 1891 году, выдрессированное Побѣдоносцевымъ духовенство не хотѣло, безъ особаго разрѣшенія, — служить панихиды въ Казанскомъ Соборѣ, въ 50-ти-лѣтнюю годовщину кончины Лермонтова.

На похоронахъ В. Г. Бѣлинскаго, въ 1848 году, присутствовало гораздо болѣе полиціи, нежели поклонниковъ великаго критика.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, декабрь 1908 г.

Болѣе или менѣе торжественная обстановка похоронъ зависитъ не только отъ политическихъ настроеній и „страха іудейскаго“, но и отъ погоды физической. Сильный морозъ, осеннее ненастье или лѣтній отдыхъ всегда вліяли на число присутствующихъ на выносахъ или отпѣваніяхъ. Обломовщина, обывательская лѣнь не располагають къ чествованію ни живыхъ, ни покойниковъ, если это не сопряжено съ какими-нибудь личными происками или удовольствіями. Русскаго читателя надо сильно расшевелить, „ударить по сердцамъ съ невѣдомой силой“,—чтобъ вызвать сколько нибудь приличное и активное вниманіе къ писателямъ. Сами литераторы, честная, чуткая къ добру учащаяся молодежь, да кое-кто изъ рабочаго люда—представляютъ единственный контингентъ, изъ котораго набирались обыкновенно участники „литературныхъ поминокъ“.

Въ 80-хъ годахъ стали устраивать довольно торжественныя и многолюдныя похороны съ хорами добровольцевъ-пѣвчихъ и вѣнками впереди. Зеленъ и цвѣты вѣнковъ, несомыхъ впереди, придавали особую красоту и величавость процессіи. Цвѣты краснорѣчія у могилъ выясняли смыслъ этихъ манифестацій, значеніе творчества, общественной и политической дѣятельности писателя. Кладбища обращались иногда въ трибуну.

Первыя торжественныя похороны подобнаго рода состоялись въ честь Ѳ. М. Достоевскаго, въ январѣ 1881 года. Изъ Кузнечнаго переулка, по Владимірскому проспекту и по Невскому процессія потянулась въ Александро-Невскую лавру. Разстояніе было небольшое, но народу было достаточно. При подобной же обстановкѣ хоронили Кавелина и Костомарова. Въ обоихъ случаяхъ надо было пройти черезъ весь городъ, съ Васильевскаго острова до Волкова кладбища. Самыя величественныя, по истинѣ, общественныя похороны устроились при погребеніи И. С. Тургенева. Стоялъ прекрасный, солнечный, сентябрьскій день. Столица уже стѣзжалась. Было около 200 депутацій съ вѣнками отъ редакцій, отъ всѣхъ слоевъ общества и крестьянъ, освобожденію которыхъ такъ настойчиво и художественно содѣйствовали незабвенныя произведенія Тургенева. Процессія тянулась версты на три, съ Варшавскаго вокзала.

Она прошла окраинами Петербурга, охвативъ лишь часть Загороднаго проспекта; но толны народа покрывали тротуары, зрители виднѣлись на всѣхъ крышахъ и въ окнахъ. Служащимъ, учебнымъ заведеніямъ и военнымъ было запрещено участвовать въ похоронахъ великаго писателя. Но гражданскія похороны удалась какъ нельзя лучше, съ небывалой стройностью и торжественностью. Наша бюрократія часто отличалась безтактностью. Она

умѣла выказывать свое невѣжество, дикую грубость, вражду ко всему, что чтятъ народы и просвѣщенное человѣчество. Тургенева она почтила своимъ отсутствіемъ и отщепенствомъ. Сановники 80-хъ годовъ отреклись отъ Тургенева, какъ предшественники ихъ чуждались Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Бѣлинскаго.

Похоронамъ Тургенева бюрократія придала значеніе „революціонной пропаганды“. Послѣдовало запрещеніе подобныхъ процессій, участія депутацій и ношенія вѣнковъ. По мудрому указанію Побѣдоносцева, вѣнки стали сваливать въ кучу, на запасныя колесницы, и возили съ тѣхъ поръ за гробомъ. Неудачныхъ министровъ, плохихъ градоначальниковъ, генераловъ, одержавшихъ побѣды на плацъ-парадахъ, хоронили съ почестями и торжественными процессіями; а обществу и народу нельзя было сколько-нибудь прилично проводить въ могилу любимыхъ писателей, художниковъ, артистовъ. Только для двухъ композиторовъ—Чайковского и Рубинштейна допущено было исключеніе.

Вопреки давленію Побѣдоносцева, все же въ извѣстныхъ случаяхъ общественное сочувствіе и уваженіе умѣло выказываться съ достаточной ясностью. Такой почетъ проявился при похоронахъ М. Е. Салтыкова (Щедрина) и Н. В. Шелгунова. Громадные хоры молодежи шли впереди и чередуясь пѣли „Святый Боже“. Вокругъ гроба и за колесницей шли толпы. Множество полиціи и жандармовъ довершало торжественность, какъ-бы въ насмѣшку надъ дѣйствительными намѣреніями администраторовъ. Въ этихъ случаяхъ стекаются свободные люди, подъ вліяніемъ мысли и сердца, а не по наряду полиціи или указу консисторій.

На сколько могу припомнить, въ первый разъ мнѣ пришлось сказать рѣчь при открытіи памятника Н. А. Некрасову, въ сентябрѣ 1878 г. Мнѣ не было случая лично познакомиться съ Некрасовымъ; онъ болѣлъ, тяжело страдалъ; беспокоить его, безъ особой надобности, было безбожно; но я зналъ наизусть всѣ лучшія его произведенія и до сихъ поръ инія помню и люблю. Пусть не во всѣхъ изъ нихъ много поэзіи; но для публициста всѣ они прекрасно звучать.

Не могу представить даже, чтобы кто-либо, взрощенный идеями 60-хъ годовъ, не былъ горячимъ поклонникомъ пѣвца свободы и народной скорби. На похоронахъ Некрасова я не могъ быть, будучи въ то время въ Болгаріи; но мнѣ удалось присутствовать при открытіи ему кладбищенскаго памятника. День былъ осенній, но солнечный, такой, какой любятъ охотники. Народу было много, преимущественно учащейся молодежи обоего пола; но

были и старыя почитатели Некрасова. Могила его находится на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, близко отъ воротъ, направо, въ первой линіи. Когда духовенство отслужило панихиду, упалъ покровъ съ памятника, и надъ головами толпы, поднимаясь къ ясно-му небу, предсталъ знакомый ликъ поэта... Открытое, умное чело очень схожаго бронзоваго бюста сіяло привѣтомъ. Всѣ глаза были обращены къ нему; всѣ ждали слова; но царило молчаніе. Прошло нѣсколько минутъ, становилось какъ-то неловко. Я стоялъ довольно далеко отъ памятника, куда добраться было трудно. Слышатся какія-то недоумѣнія. Кто-то заявляетъ, что запрещено говорить и рѣчей не будетъ. Иные, казалось мнѣ, вопросительно оглядываются на меня. Неужели открытіе памятника Некрасову пройдетъ среди отупѣлаго молчанія? Даже предъ смертью, изъ страдалческихъ устъ Некрасова вырывалась горькая жалоба, что первое его стихотвореніе встрѣтилось съ цензурнымъ произволомъ и, послѣ возвѣщенныхъ свободъ, умирать ему приходится, испытывая подобныя же насилія надъ даромъ Божиимъ!.. Неужели съ рабской покорностью, склонить выю передъ слухами о полицейскомъ запретѣ?

Я чувствую, что кровь приливаетъ мнѣ въ голову; меня потянуло къ любимому поэту. Предо мной разступается толпа, мнѣ даютъ дорогу. Я слышу, что называютъ мою фамилію, которой „Русское Обозрѣніе“ и дѣло Вѣры Засуличъ придали извѣстность. Я не знаю еще, что скажу, но остановиться уже не возможно. У самаго памятника такъ тѣсно, что дышать трудно; меня почти притискиваютъ къ рѣшеткѣ; я перешагнулъ черезъ нее и очутился на возвышеніи фундамента могилы. Снявъ шляпу, я началъ импровизированную рѣчь. О Некрасовѣ сказать не трудно. Богатство его поэзіи и совмѣстная журнальная дѣятельность съ передовыми писателями даютъ неистощимый матеріалъ. Я напомнилъ, что самъ Некрасовъ ясно опредѣлилъ качество своей музыки. Она не умерла и не умретъ, до тѣхъ поръ, пока не угаснутъ справедливость и любовь къ народу. Сбудется и желаніе поэта, чтобъ къ могилѣ его „широкія лапти народныя проторили пути“. По мѣрѣ развитія просвѣщенія, будетъ расти и шириться слава Некрасова и любовь къ нему. Объ этомъ свидѣтельствуютъ окружающіе его и теперь поклонники. Нѣтъ, онъ не умеръ, а глядитъ на насъ, подтверждая свои завѣты.

И я прочелъ надпись на подножьи памягника, извѣстное: „Сѣйте разумное, доброе, вѣчное“... „Этотъ завѣтъ мы обязаны свято блюсти, а поэту-гражданину вѣчная благодарность, вѣчная память“.

Такъ закончилась моя рѣчь, сказанная отъ всего сердца, не-

подготовленно. Вопреки обычаю, кладбище огласилось рукопесканіями. Мнѣ пожимали руки. Одна старушка, съ слезами, почти рыдая, благодарила меня. Молчаніе было прервано, послышались новыя рѣчи, стихи. Заговорила молодежь. Я усталъ и уѣхалъ. Передавали, что толпа не расходилась, пока не смерклось.

Меня удивляло, что никто изъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“ не произнесъ рѣчи. Объясняли, что церемонія открытія памятника была разрѣшена подѣ условіемъ молчанія. Но молчаніе было нарушено, и никакихъ опасностей и бѣдъ отъ этого не произошло.

На томъ же кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, очень близко отъ могилы Некрасова, схороненъ Валентинъ Ѳедоровичъ Коршъ. Несчастливая судьба этого публициста-издателя! Занимая первенствующее положеніе въ прогрессивной журналистикѣ 60-хъ годовъ, онъ лишился самостоятельнаго положенія, обратился въ скромнаго, незамѣтнаго журналиста и переводчика. Ему пришлось подѣ старость скитаться по чужимъ изданіямъ, не имѣя вѣрнаго заработка, оставить безъ всякихъ средствъ семью. И умеръ онъ въ самый разгаръ реакціи, въ самое безотрадное время, въ 1884 году, да еще и лѣтомъ, когда Петербургъ въ разѣздѣ. Тѣло В. Ѳ. Корша привезено было откуда-то изъ-за границы, гдѣ онъ лечился. Въ городѣ было душно, пыльно и пусто. Похороны пришлось на воскресный іюльскій день, когда всѣ, кто можетъ, бѣгутъ изъ Петербурга, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, погулять въ лѣсу, полюбоваться волнистой рожью.

И я, обыкновенно, по воскреснымъ днямъ, гостилъ за городомъ, у близкихъ друзей; но съ первымъ же пароходомъ приѣхалъ на похороны Корша. Отпѣвали его въ большой церкви. Обычныхъ богомолокъ и нищихъ, кажется, было больше, нежели родныхъ и знакомыхъ. Около гроба было очень свободно. Отсутствовали даже тѣ журналисты, которые составили себѣ имя подѣ руководствомъ Корша и „благопріобрѣтали“ теперь, подслуживаясь къ попятнымъ вѣяніямъ, сгубившимъ всю либеральную печать, разорившимъ однихъ и принудившимъ къ бездѣйствію другихъ. Кладбищенскимъ забвеніемъ, скорбью, бѣдностью, людскою неблагодарностью, равнодушіемъ и несправедливостью вѣяло около этого гроба.

Ко мнѣ подошелъ племянникъ В. Ѳ. Корша, г. Григорьевъ, сынъ извѣстнаго критика.

— Слава Богу, что вы приѣхали,—шепнулъ онъ:— можетъ быть, вы скажете что-нибудь въ память дяди?.. Неужели у его могилы не будутъ помянуты прежнія „С.-Петербургскія Вѣдомости“?..

— И я чувствую эту потребность,— отвѣчалъ я,—но не знаю, удастся ли... Меня давить тоска!..

— Вы сами въ такомъ положеніи: лучше другихъ вамъ извѣстно, что пережилъ несчастный дядя,— уговаривалъ г. Григоревъ.

Отпѣли, понесли тяжелую ношу къ могилѣ. Опустили, пропѣли обычную „вѣчную память“; куски земли грохнули на гробъ, а у меня все еще не слагалось стройной, ясной рѣчи... Горестныя, ѣдкія чувства подавляли мысли; но сказать было надо. Такихъ людей, какъ Коршъ, не зарываютъ въ землю, не помянувши прощальнымъ словомъ. Не многіе даже въ состояніи понять эти страданія. Вѣдь его не мучили; не было ранъ и пытокъ. Запретили газету,—что за важность?—Лишили возможности писать, высказываться свободно; но милліоны людей не чувствуютъ въ этомъ ни малѣйшей бѣды. Если у кого имѣніе отсудить, или съ должности прогнать, праздничковаго пособія не дадутъ,—это, понятно, чувствительно! Въ высшемъ обществѣ привыкли даже думать, что все зло отъ литературы: чѣмъ меньше газетъ и журналовъ, тѣмъ лучше! Какой-нибудь приказъ, лживая реляція, губернаторскій отчетъ, веселенькій водевиль и пикантный французскій романъ,—вотъ ихъ умственная пища! Отнять газету, запретить журналъ, сжечь книгу, уничтожить статью,—въ этихъ „сферахъ“ считается подвигомъ. Полицейскими мѣропріятіями эти умственные опекуны не стѣсняются. Они глумятся надъ „нечитайлами“, которыхъ они же держатъ въ тѣмѣ, а сами способны довольствоваться невѣжествомъ Весь XIX-й вѣкъ, за исключеніемъ немногихъ свѣтлыхъ годовъ, прошелъ у насъ въ явной и тайной борьбѣ верховъ съ просвѣщеніемъ, наукой и печатью. Самые глупые и невѣжественные люди достигали у насъ степеней высокихъ; отнятіе, ограниченіе умственной пищи у общества, у народа, считалось надежнѣйшей опорой власти, крѣпостничества, промышленности и торговли. Кое-какая „техника“ еще допускалась, но „идей“ не надо было; мысль, разсужденія, гласность преслѣдовались.

В. О. Корша обобрали и вещественно, и духовно. Его заживо схоронили, изъяли изъ русской журналистики, обрекли на нищенство и буквально забили въ гробъ безконечной цѣпью полицейскаго произвола. В. О. Коршъ былъ легальнѣйшій человѣкъ, необычайно добрый, искренно вѣровавшій въ силу просвѣщенія и справедливости. Онъ былъ вѣрнымъ приверженцемъ либеральныхъ идей и преобразованій. Всякая жестокость его возмущала; малѣйшая неправда находила въ немъ осужденіе. Этого было достаточно, чтобъ потоки гнѣва излились на Корша, чтобъ у него были

отняты „С.-Петербург. Вѣдомости“, при посредствѣ самой гадкой интриги. Смерть унесла его преждевременно, потому, что онъ не хотѣлъ, не могъ оставаться въ станѣ „ликующихъ, праздно-болтающихъ, обогряющихъ руки въ крови“... Но настанетъ время, когда будутъ помянуты всѣ угнетенные и страдавшіе за правду, засвѣтъ, за общее благо. Въ числѣ этихъ подвижниковъ не забудется и честный, стойкій русскій писатель и журналистъ.

Въ такомъ родѣ была рѣчь, произнесенная мною на похоронахъ В. О. Корша. Многіе плакали; но всѣхъ-то ихъ было крайне мало у этой бѣдной могилы.

На другой день появились краткіе отчеты объ этой рѣчи, по обыкновенію въ крайне искаженномъ видѣ. Одна газета даже оклеветала меня, будто я былъ врагомъ Корша и радовался отнятію у него „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Это вынудило меня на опроверженіе. Оно было помѣщено въ „Новостяхъ“.

Григорій Градовскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

